

ВАЛЕРИЙ БОЛЬШАКОВ

ГАНФАЙТЕР.

ОГОНЬ НА
ПОРАЖЕНИЕ

Валерий Большаков

Ганфайтер. Огонь на поражение

«Махров»

2010

Большаков В. П.

Ганфайтер. Огонь на поражение / В. П. Большаков — «Махров»,
2010

ISBN 978-5-17-066260-9

Это – будущее. Однако здесь все, как на Диком Западе. Только в океане. Побеждает тот, кто стреляет быстрее. И лучше. Еще здесь есть хорошие и плохие. Вернее, свои и чужие. Тимофей Браун – хороший. И стреляет он тоже хорошо. Метко. Кроме того он иногда успевает подумать, в кого стрелять и зачем. Поэтому он не просто хороший. Он – лучший. Но это Тимофею еще придется доказать.

ISBN 978-5-17-066260-9

© Большаков В. П., 2010
© Махров, 2010

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Коншельф [4]	13
Глава 1. Убийство на опушке келпа [5]	13
Глава 2. Ночные полеты	31
Глава 3. Ранчо «Летящее Эн»	38
Глава 4. Гуртовка	48
Глава 5. «Красная суббота»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Валерий Большаков

Ганфайтер. Огонь на поражение

Пролог

Тихий океан, Центральная котловина, впадина Яу. 2094 год

— Что-то я не пойму... — обеспокоился Тимофей Браун. — Гоняется за нами, что ли?

Он сидел на месте бортинженера «Аппалузы», деревенел спиною и тревожно взглядался в экран локатора, с краю которого зеленел мерцающий овал — отражение чужого корабля. «Попадос», как Витя говорит...

Командир и пилот батискафа Виктор Волин — розовощекий плечистый парень — горбился перед своим пультом, нежно поглаживая мягкие рукоятки штурвала.

— Догоняют? — спросил он спокойно, лениво даже.

— Да нет... Но получается, что преследуют — и не приближаются особенно, и не отстают.

— Не грузись, — посоветовал Виктор. — Знаешь, сколько таких, как мы, по океану шарится? — Подавшись к экрану, командир потёр щетинистый подбородок. — Обводы знакомые... Вроде как БПГ. Слыши, Тим?

— Знать бы, чей это скаф, — отозвался Браун, заметно нервничая, — и зачем мы им занадобились...

— Господи, да кому мы нужны? Говорю же тебе, не грузись! — Виктор поёрзкал и спросил официальным голосом: — Глубина?

— Пять тысяч двести, — негромко отрапортовал Тимофей. Хладнокровие друга (или легкомыслie?) малость подспохлили его. — Азимут сто девяносто, скорость двадцать узлов.

— А добавить если?

— Могу. Но за турбины не ручаюсь.

— Пипец...

— Витя, нам подсунули старье и ломье. Реактор конченый, аккумулятор пробивает на корпус, комп виснет, а чтобы заработал монитор, надо по нему стукнуть. Но не сильно, иначе вообще перестанет показывать...

Волин вздохнул.

— Чё ты хочешь, — проговорил он с горечью. — За наши деньги только такой и купишь... Там ребята из Океанского патруля «Дип стар» предлагали — почти что новый батик, так за него столько просили, что... Короче,олжизни надо работать и копить до посинения! Пипец...

— А всё эта ТОЗО, — тихо сказал Браун. — Раньше экспедиции были, как экспедиции, а сейчас...

— Раньше! — хмыкнул Волин. — Да кто б тебя тогда в экспедицию пустил? Сиди, сказали бы тебе учёные дяди, и не рыпайся.

— А ты бы намекнул тем патрульным, что батик нам не для увеселительных прогулок...

— И чё бы я им сказал? — Виктор сощурил маленькие, пронзительно-зеленые глаза.

— Что мы ту атомарину ищем...

— Ты чё, с дуба рухнул?! Да за нами тогда бы вся толпа рванула! Знаешь, сколько разговоров ходит про тот, последний рейс «Голубки»? Одни божатся, будто на борту атомарину уплыли вожди «золотых» — поняли, что победа им не светит, а Второй Гражданской капец настает. Другие верят, что у ней трюмы забиты всяким там искусством...

— ...А третий, — подхватил Браун не без ехидства, — убеждены, что «Голубка» везла золотой запас.

– Да она взаправду его везла! – с жаром отозвался Волин. – Я ж тебе рассказывал! Отступали когда «золотые», они свой любимый металл прихватили – полностью выпотрошили сейфы Планетарного банка, четыреста тонн в слитках! Понимаешь, в чём изюминка? А если мы «Голубку» отыщем, то так разбогатеем, что…

Виктор замотал головой, не находя слов для выражения. А Браун мечтательно вздохнул. Скептик по натуре, он не слишком верил в рассказы о золоте «золотых». Смешная тавтология, не более. Да в каждом салуне наслушаешься трёпа о Великом Морском Змее, о «Летучем голландце», о пиратских кладах и разумных кальмарах! Байки про сокровища «Золотой гвардии» входили в этот список.

Однако, при всех своих сомнениях, Тимофей не мог не верить Виктору – тот никогда не врал. Вообще. Из принципа. И Браун поддержал друга в его стремлении добыть золото – батискаф они купили вскладчину, потратив все свои накопления. А вдруг и вправду повезёт?!

Волин сказал что-то, но бортинженер не сразу вышел из глубокой задумчивости.

– Прости, ты что-то сказал? – встрепенулся он.

– Я говорю, – откликнулся Виктор, – ТОЗО мне даже нравится. Знаешь, океанцы здорово похожи на этих… с Дикого Запада, шерифов всяких там, ковбоев, индейцев, ранчero… Согласись!

– Тогда китопасы – это ковбои, – подхватил бортинженер, – а комиссары – они как шерифы.

– Так я чё и говорю! Здесь всё такое же. Как ты сказал тогда – веет… Нет – витает дух фронтира!

– Ага. Как начнут стрелять, такой дух завьётся… Раньше в салунах пороховой гарью смердело, а теперь озоном пованивает.

– Ничего-то ты не понимаешь! При чём тут, вообще, обоняние? Перестрелки – это так, издержки вольницы. Разве в этом главное? В ТОЗО все чётко – или ты хороший, или ты плохой. Симметрия! Либо ты трус, либо храбрец. Честный или врун. Черное – белое, полутонов нет. Понимаешь, в чём изюминка? Все или туда, или сюда! Одни идут пасти китов или, там, в охрану на планктонные плантации, а другие сбиваются в шайки китокрадов или грабят рейсовые субмарины…

– Одни ищут сокровища затонувших кораблей, – тихо продолжил Браун, косясь на экран, – а другие подкрадываются, чтобы их отнять…

– Ну, прям!

Тимофей припомнил деда Антона – как старый ходил по кабинету из угла в угол, шлепая тапками, и вещал своим лекторским голосом: «Категорически заявляю: Тихоокеанская Зона Освоения давно выродилась в зону аномальную! Хотя исходная идея была куда как хороша – привлечь в ТОЗО побольше неработающих, дать им то, в чем они нуждаются, – простую работу, ручной труд. Такой, как у машинистов глубоководных танков, пилотов субмарин, всяческих подрывников, сервис-операторов, монтажников, водителей, барменов, короче говоря, у всех тех, кого легко было заменить роботами. И кого заменили – здесь, „на берегу“, как говорят океанцы. „На материке“.

Честно говоря, Тима, я категорически не согласен с нашей системой. Я даже поддерживал неосоциалистов на выборах тогда, в шестидесятых. Ты не помнишь того смутного времени, а у меня все в памяти отложилось – как миллиарды человек выводили с производства, как миллиарды машин забивали полки бесплатных магазинов продуктами и промтоварами… Тогда по всей Евразии трудилось миллионов несколько, еще тысяч сто летало по космосу, а остальные занимали очередь за матлагами.

Попадались, конечно, благонамеренные граждане, призывавшие меру знать, блюсти хоть видимость баланса между способностями и возможностями, но их трезвые голоса тонули в рёве осчастливленных толп, где солировали президенты, дружно выводившие: „Народы нас не

поймут!“ И народы радостно скандировали в ответ: „Счастье для всех – и даром!“ Короче, политика в который раз поимела экономику…

А потом, когда люди дорвались до бесплатного, когда устали хапать и отовариваться на халяву, пришло похмелье.

Работягам не надо было больше рано вставать, мечтая о выходном, об отгуле или отпуске, но праздник, который всегда с тобой, хуже утра понедельника. Праздность пожизненно – это приговор к тоске и скуке, ибо вечное безделье невыносимей категори. Оно рождает скверну и ведет к вырождению.

Люди отшатнулись друг от друга, разобщились, зыркая исподлобья и сжимая кулаки. Раскололись на работников и неработающих. На „арбайтеров“ и „жрунов“. На „трудовиков“ и „пролов“. На трудящееся меньшинство и тунеядствующее большинство.

Мир затрясло, мир закорчило – погромы и „сытые бунты“, стычки с полицией и вооруженные конфликты расходились волнами. И только тогда политики, учинившие всеобщее благодеяние и набравшие заоблачные рейтинги, опомнились. Ужаснулись. Кинулись разрушать ситуацию.

Ввели индексы социальной значимости. Всерьез занялись воспитанием. Споткнулись о проблему всеобщего мещанства и начали раскручивать всяческие проекты, чтобы только занять делом неработающие массы, – поднимали вечную мерзлоту, высаживали леса, обводнили пустыни. Но самым удачным проектом стала ТОЗО.

Грубо говоря, задача состояла в том, чтобы, пардон, сбагрить в Зону актив неработающего класса, самых динамичных „пролов“, самых неуемных и опасных для истеблишмента.

И вот лидеры Евразии, Евроамерики и Австралазии¹ собрались на свой очередной саммит и договорились считать Тихий океан собственностью человечества.

Предоставили ТОЗО широчайшую автономию, почти что независимость, и даже границы провели – по континентальному шельфу.

Я категорически поддерживаю это начинание, ибо у неработающих появилась отличная возможность проявить себя, реализоваться самим и заодно освоить океан. Да ведь и лед тронулся! В Тихookeанскую Зону Освоения переселились миллионы человек – и работников, и неработающих. Но! Никакие всемирные организации, ни один из союзов стран или государств-аутсайдеров не вмешиваются во внутренние дела ТОЗО. На дне океана выстроены сотни батиполисов² и абиссальных хабитатов, однако порядок и законность в них соблюдают сами жители, выбирая комиссаров с шерифами, хотя те не всегда справляются…

Номинально океанцы подчиняются Генеральному Руководству проекта ТОЗО, но по факту власть Генерального Руководителя распространяется лишь на центральные батиполисы, а на бескрайних просторах абиссальных равнин, на стационарных плавучих островах, на поверхности моря и в глубине соблюдается „закон револьвера“ – торжествует право сильного.

В ТОЗО появились тысячи планктонных плантаций и китовых ранчо, но это не обычные государственные предприятия, а как бы частные. Понимаешь, Тима? Частные, как при капитализме! И все эти ранчо ничем не защищены – процветает китокрадство, бывает, разгорается война из-за искусственных пастбищ, кальмарных или планктонных; случается, что бандиты захватывают фермы, убивая хозяев. Поэтому китоводы вынуждены защищать свое добро с оружием в руках. Творится полный беспредел, Тима! И человечество уже ничего не может изменить.

---

¹ По мысли автора, к тому времени Россия и так называемое СНГ объединяются в новый союз государств – Евразию, Европа и обе Америки съезжаются в Евроамерику, а большая часть Азии – от Индии до Японии – соединится с Австралией, и появится Австралазия. Будет еще Афросоюз – весьма нестабильное образование, а также государства-аутсайдеры, вроде Израиля, Ирана, Аравии и пр.

² Батиполис – подводный город. Хабитат – поселение, в данном случае абиссальное, то есть расположенное на дне океана с глубиной 4–6 километров, – это и есть зона абисса.

нить – ТОЗО вышла из-под контроля. Были попытки направить флот к батиполису „ЦентроНикс“. И что? Разобщенные, морально опустившиеся океанцы неожиданно сплотились и дали отпор! Авианосец они тогда потопили, что ли... Одной силовой акции хватило, чтобы остановить горячие головы в генштабах мировой демократии. Категорически заявляю: эксперимент провалился. ТОЗО эволюционировала... мнэ-э... сформулируем так – эволюционировала в союз вольных международных городов на неосвоенной территории, заселенной межрасовым интернационалом. Океанцы, Тима, это новая общность, и с нею надо считаться...»

Неожиданно воспоминания покинули голову Брауна, их словно выдуло оттуда. Турбина батискафа всю дорогу тоненько выла, заставляя переборки зудеть от вибраций, и вдруг это зудение стало отчетливым. «Аппалузу» мелко затрясло, вой перешел в низкий стон, начал затихать и смолк вовсе. И без того невеликая скорость сразу упала.

– А, ч-чёрт...

Виктор резко поднялся, пригибая голову, и боком проскользнул в переходный отсек. Залязгал люк машинного отделения, вентиляторы затянули в рубку запах горячей ку-смазки.

– Что там? – спросил Тимофей, приподнимаясь с кресла.

– Муфта магнитная полетела! Ну, полный пипец!

– Сейчас я... – стал выбираться бортинженер.

– Да ладно, я сам. Рули пока!

Браун обернулся к экрану. БПГ, следовавший за «Аппалузой», тоже сбросил ход. Но постепенно приближался, делая два-три узла...

В следующую секунду душный и влажный воздух в рубке показался Тимофею ледяным.

– Витя! Торпедная атака!

Две черточки на экране, отделившись от овального пятнышка, быстро двинулись в сторону «Аппалузы».

Волин, бранясь витиевато и по-чёрному, ринулся обратно в рубку. Пронесся мимо приставшего Брауна и буквально упал за пульт, шаря по нему мускулистыми руками.

– Щас мы их... Щас... – бормотал он, скалясь от напряжения. – Выстрел!

Слабенькая пироксилиновая торпедка, предназначенная для уничтожения гигантских кальмаров или акул, ушла навстречу настоящей боевой торпеде, выпущенной неизвестными с БПГ.

– Выстрел!

Еще одна ушла... И попала! Боевая торпеда, пущенная по «Аппалузе», взорвалась. Шар ослепительного огня вспух за иллюминаторами, озаряя вечную тьму глубин и раздвигая тугие воды.

– Держись! – успел услышать Тимофей Браун, а в следующий момент ушам его стало больно от невообразимого грохота. Ударная волна накатила и швырнула батискаф, крутя и переворачивая.

Жалкие потуги Тимы, ухватившегося за подлокотники, не были защищены – его сорвало с места, пронесло над пультами и с размаху приложило к переборке, разбивая голову, рассаживая весь бок чем-то острым и твердым.

Бортинженер потерял сознание и уже не помнил, как все вокруг переворачивалось, как его безвольное тело бросало то об пол, то об потолок, как швыряло от борта к борту. А потом рванула вторая торпеда.

Тупой механизм наводки промахнулся по кувыркавшейся «Аппалузе» и увел торпеду на циркуляцию, автоматически включая поиск цели. И, видимо, определитель «свой – чужой» не сработал. Описав кругую дугу, торпеда наметилась на БПГ, слишком близко подошедший к атакованному батискафу. Взрыв не смог проломить борт из крепчайшего пиробата, однако прочный корпус батискафа напоминал лежачего снеговика, и торпеде удалось «добраться» разгерметизации на стыке – в перемычке меж двух пустотелых шаров возникла трещина. Этого

было достаточно – холодная вода под давлением в шестьсот атмосфер взрезала борт, как гильотина, мигом заполняя БПГ и превращая батискаф в давильню.

«Аппалуз» в этот момент как раз выравнивалась, и второй взрыв бросил ее кормой вперед.

Несчастного Брауна вышвырнуло из рубки в переходный отсек, прямо на сегментарный люк в машинное отделение...

...Очнулся Тимофея лишь к утру и обнаружил себя лежащим на полу посреди переходного отсека, закукленным в стерильный эластик с ног до головы, как мумия в свои пелены. Он был до того слаб, что не мог пошевелиться, да это и к лучшему – меньше испытаешь боли.

Браун услышал звяканье в машинном отделении и позвал Виктора. Губы раскрылись, шевельнулся распухший прокущенный язык, но даже шепот не получился.

Волин с головой, повязанной полотенцем – светлый чуб забавно торчал, напоминая собачье ухо, – сам выглянул из люка и радостно ощерился:

– С добрым утром, беспризорник! Живой? Ну и ладушки! А то я уж думал, что все... Ты столько крови потерял, что... Если в тебе ее с полстакана осталось, то хорошо. Все бинты на тебя извёл, представляешь?

– Х-де мы? – выдавил Тимофея.

Виктор почесал в затылке.

– Знать бы... – сказал он со смущением. – Приборы не фурикают, а батиметр можно выкидывать – кажет глубину в четырнадцать тысяч! Ниже Марианской впадины. Пипец!

– П-плывем?..

– На дне лежим, и то косо! Зато мы в догонялки выиграли – тот БПГ бульки пустил, словил собственную торпеду!

Виктор хрипло рассмеялся и тут же скривился, касаясь повязки.

– Сильно... тебя? – выдавил Тимофея.

– Пустяки, – бодро отмахнулся Волин, – дело житейское! Так, задело слегка... Короче, двигатель мне уже не починить – там все в лом. Трубы скрутило и поплющило, сепаратор сорвало и об борт шандарахнуло, турбина гавкнулась... Кое-как с балластными цистернами справился... да фиг там! Принять балласт получается, а продуть цистерны – никак... Прогуляюсь наружу, попробую заклеить надувные поплавки. Тут у меня где-то баллон с гелием валяется... или с аргоном? Не помню. В общем, надую «шарик», и будет нам аварийное всплытие...

– Превосходно... – просипел Тимофея Браун.

Жизнерадостный смех Виктора отдалился от него, растворяясь в обмороенных потемках.

Вторично Браун пришел в себя, когда батискаф сотрясся, становясь на ровный киль. Противный скрежет проник сквозь толщу брони и сработал как будильник. Видимо, грунт был скалистый или усыпан глыбами базальта.

Впрочем, подобные мысли пришли к Тимофею гораздо позже, а в самый момент возвращения сознания он не думал вовсе – уж очень муторно было. И больно, и противно, и погано. Порой быть при смерти гораздо паршивее, чем просто умереть, уснуть и видеть сны, быть может...

Виктор стоял рядом, почерневший, ссугулившийся, с глазами, красными от бессонницы. Под широким носом, облезлым красным «сапожком», запеклась кровь, смахивая на гитлеровские уши. Волин держался за открытый люк шлюз-камеры, словно боясь упасть. Заметив, что бортинженер смотрит на него, он вяло улыбнулся и дернул рукой, должно быть, изображая жест приветствия.

— Глубины тут... Пипец... — измолвил командир батискафа. — Мы на отметке четырнадцать тысяч с чем-то метров. Исправный у нас батиметр... И батик хорошо давление держит. «Броня крепка, и танки наши быстры...»

Он все это проговаривал, словно по обязанности, через силу, не испытывая на самом деле ни ужаса, ни восторга человека, измерившего бездну.

— Поспал бы... — осилил фразу Тимофей.

Волин выслушал его, обдумал совет, глубокомысленно пляясь в переборку, и покачал головой.

— Потом, — вздохнул он. — Как начнем всплывать — сразу занимаю горизонтальное положение и буду так валяться до глубины ноль... Тебя надо срочно к врачам, а у нас даже спирта нет. Забыли мы аптечку, представляешь? А у тебя уже раны воспалились, какой уж тут сон... Я тебя и трогать боюсь, ты весь в дырках. Вот, думаю, цапну, а он и сломается... Или кровью истечет. — Виктор глубоко вздохнул и с силой потер лопухастые уши, встряхнулся. — Ну ладно. Пошел я.

Он поднял штору бокса, за которым скрывался скафандр высшей защиты, и влез внутрь, открыв овальный люк на «спине». Скафандр больше всего напомнил Брауну толстую матрешку, к которой приделали ноги-тумбы и руки в обхват. Лица Виктора видно не было, оно скрывалось за узкой смотровой щелью, а над нею проступали полустершиеся цифры — «962».

Зашелестели псевдомышцы-усилители, и Волин осторожно развернулся в своем громадном и неуклюжем «одеянии».

— Слыши? — послышался голос Виктора, огрубленный звучателем и показавшийся механическим. — Шлюз маленько... того... пропускает. Главное, шлюз на продувку как раз работает, а цистерны — ни в какую... Так что придется тебе потерпеть — в отсек нальется ведер десять забортной воды.

— Х-холодной? — осведомился бортинженер.

— Плюс один и три... — вздохнул командир.

— Плюс?.. Хм... Ступай, Витя, не обращай на меня... внимания. Только быстрее возвращайся... ладно?

— Я только туда и обратно! Не боись, у меня кислороду на полтора часа. Сейчас ровно два ночи. К утру успею, хо-хо!

Волин скрылся в шлюз-камере и закрыл за собою внутренний люк. Вскоре загудела вода, и из щелей над крышкой люка забили кинжалевые струи, раздирая пластиковую облицовку и даже сетку термоэлементов.

Вода забрызгала, подтекла, и Тимофей содрогнулся от касания мокрого и холодного. Вздрог полуживого тела едва не погасил огонек сознания.

— Превосходно...

Хлябь поднялась до самого комингса, залила Брауну уши. «Утону еще...» — проползла равнодушная мысль. Он заметил необычный, голубовато-серый оттенок воды, на поверхности которой часто лопались пузырьки, донося тишайшее шипение.

По батискаfu разнеслись стуки и грюки, что-то провернулось с визгливым скрежетом, позже стали слышны ритмичные щелчки и бацанье — будто по борту лупили футбольным мячом. А потом все звуки перекрыло пронзительное шипение — это надувался аварийный поплавок, силиконовый баллон. Когда он сдути, то напоминает нашлепку, плотно прижатую к борту. Стоит в него пустить газ, как баллон раздуется и потянет «Аппалузу» вверх, к воздуху и солнцу. Но где же Витя? Почему он медлит?

Батискаф дрогнул, приподнимая нос, — разлитая вода загуляла по отсеку, окатывая Брауна с головой. Тимофей лишь слабо отфыркивался, поневоле сглатывая «газировку». Она не была горько-соленой, как морская вода, скорее солоноватой, вроде «Ессентуков». Если притерпеться, то даже вкусной покажется.

Да где же Витя?

«Аппалуз», подтянутая кверху одним поплавком, накренилась, и вода отхлынула, покрывая ноги до пояса и плещась в углу. «Хоть не утону... Витя!»

По борту часто застучали, перемежая короткие удары длинными. Азбука Морзе?

Браун прислушался, борясь с наплывами дурноты: «Не... лнуйся... Люк заклинило... Все бу... ОК... бе нужней... „...ппалуз“ не вынесет двоих...»

– Нет... – застонал Тимофей. – Витя, нет...

Тело не позволило душе долго мучиться – обморок затопил сознание, как вода – отсек.

Проснулся Браун от того, что потеплевшая водичка с шумом окатила его. Он резко сел, отдуваясь и ошалело утирая лицо.

Батискаф качало на волнах, а в верхнем иллюминаторе мелькало то голубое небо, то изумрудный океан, ладонями волн шлепавший «Аппалузу» по бортам.

Тимофей Браун резво вскочил, цепляясь за скобу, и только тут его окатило ужасом – он же при смерти! Он потерял много крови, у него разбита голова, а в боку, на ноге, на спине плоть разорвана до кости!

Браун резко задрал куртку, оголяя бок. Да вот же – куртку словно ножом исполосовали! И на теле шрамы... Бледно-розовые, неровные бороздки. А выглядят так, будто раны затянулись год назад! Тимофей поглядел в треснутое зеркало, отразившее узкое костистое лицо с твердыми чертами, искаженное и бледное. Из-под темной чёлки глядели серые глаза, пытаясь с растерянностью: а как же Витя?..

Тимофей бросился в рубку. Часы над пультом были неумолимы – восемь утра. Виктор Волин, пилот батискафа и просто хороший парень, давно уже был мертв. «Ну мог же ухватиться за что-нибудь, – промелькнуло у бортинженера в голове, – всплыли бы вместе...» Да куда там... Шесть часов поднималась «Аппалуз», а Вите бы и двух хватило. Проклятая бездна...

– Замечательно! – выдохнул Тимофей Браун.

Без сил опустился он на пол и обхватил голову руками, жмурясь и чувствуя жгучую влагу на глазах. Зашипел, замычал, раскачиваясь, совершенно не ведая, что ж ему делать теперь и как жить дальше, имея столь тяжкий долг, который и вернуть-то нельзя. И некому уже...

...Два долгих дня и две нескончаемые ночи носило «Аппалузу» по волнам Великого, или Тихого, пока на исходе недели батискаф не заметили с борта сухогруза-катамарана «Милагрос». Подняли на палубу «подводный обитаемый аппарат», «экипаж» отвели в кают-компанию, где накормили от пузза и выслушали сбивчивый рассказ. Выслушали и не поверили – спасенный врал нагло и неумело. Какие, к дьяволу, страшные раны, да еще причиненные позавчера, если сегодня этот брехун здоров и румян?! Ясно же – запаниковал бортинженер, струсили, бросил товарища на дне, а сам спасся. Ну и кто он после этого?

Команда балкера стала избегать Тимофея, а если кому и приходилось пересекаться с ним на палубе, тот обходил спасенного, как пустое место, – трусов и врунов в ТОЗО не жаловали. Дошло до того, что капитан, жалеючи, предложил Брауну рассказать, как все было по правде. Не трусить, а набраться смелости и честно признаться в содеянном. Тимофей не выдержал и ударил капитана. Команда балкера с удовольствием отметила «это трусливое брехло» и выбросила Брауна в ближайшем порту, на СПО³ Моана-3».

В тот же день Тимофей заказал билет на стратолет и вернулся «на берег». Поселился в Евразии у деда Антона – в поселочке Мутухэ, зажатом между Сихотэ-Алинем и Японским морем. Устроился смотрителем плантации ламинарий, влюбился в местную «Мисс», наблюдающую врачу Марину Рожкову.

---

³ СПО – стационарный плавучий остров, гигантская надводная платформа.

Через неделю его страшные шрамы рассосались совершенно, оставив по себе гладкую и чистую кожу, а вот болючка в душе не проходила – грызла и грызла, поедая поедом…

Часть первая. Коншельф⁴

Глава 1. Убийство на опушке келпа⁵

Евразия, Дальневосточный регион, Сихотэ-Алиньская система поселков. 2095 год

Удар был резким и точным. Тимофей Браун даже не заметил, как кулак Хлюста врезался ему в челюсть. Слепящая вспышка – и он выпал в нокаут.

Тимофей быстро пришел в себя, выплывая из звенящей муты, но вскочить, чтобы дать сдачи, у него не получилось – набросились все четверо. Васька Хлюстов, коренастый малый с квадратным лицом, обрюзгшим от пьянки, саданул его ногой по ребрам.

– Почку ему пробей, Хлюст! – взвизгнул, брызгая слюною, Димка Башкатов, прозванный Башкой, высокий и кривобокий – одно плечо выше другого. – Слыши? Почку!

– Чё разлегся? – пыхтел Васька, пиная лежачего. Брыластые щеки его вздрагивали при каждом пинке. – Разлегся тут…

Сашка Бессмертнов по кличке Бес, маленький и юркий, ударил Брауна с другого боку, но не попал, куда метил, и торопливо нацепил на руку самодельный кастет.

– Вдарь ему по печенке!

– Я вас трогал?.. – прохрипел Тимофей, отбрасывая Хлюста и уворачиваясь от Беса. Метнувшись к вожаку этой мерзкой человечьей стаи – Айвену Новаго, высокому парню, костлявому, но широкоплечему, – он достал его прямым в челюсть и добавил хуком слева. Вожак повалился, и трое его подручных накинулись на Брауна снова. Кулаки да башмаки так и мелькали, и лишь порой в этой злой карусели случалась заминка, когда Тимофею удавалось поставить блок или дать сдачи.

Толкнув Беса на Башкатова, он отступил.

– Б-быдло! – вырвалось у него.

– Какие мы невежливые стали, некультурные, зазнались как, за второй сорт нас держат, за недочеловеков… – протянул своим монотонным голосом Айвен и жестом придержал дружков. – Да кто ты такой, спрашивается, чтобы быть наверху и всё иметь по первому классу, а мы для тебя так, насекомые, букашкитаракашки, жучки-паучки, вредители сельского хозяйства… – нагромоздив, по обыкновению, словеса, он потерял под ними мысль, замолчал надолго и кончил грубостью: – Короче, ты! Еще раз увижу рядом с Маринкой – убью! Пошли, Димон…

– Арбайтер вшивый! – злобно прошипел Башка, сплевывая на песок. – Эй, меня подождите!

Выгибаясь на ходу вправо, словно таща большой вес, он догнал товарищей. Громко гогоча и обмениваясь дружескими тычками, четверка двинулась по пляжу, забирая к невысоким дюнам. «Повстречаю каждого по отдельности», – пообещал себе Тимофей.

Он без сил опустился на песок. Избитое тело болело и саднило. Перед Тимофеем серели мелкие камушки, трепыхалась под ветерком сухая водоросль, похожая на рваную коричневую ленточку.

– Сволочь человечества, – просипел Браун, – вот вы кто!

---

⁴ Коншельф (сокр. от континентальный шельф) – выровненная область подводной окраины континента, примыкающая к суше. Границами коншельфа являются берег моря или океана и бровка – обрыв материкового склона, круто или полого спускающегося к абиссальнym равнинам.

⁵ Келл – лес гигантских водорослей.

метил, и торопливо нацепил на руку самодельный кастет.

Враги его не услышали, далеко были. Только грубые голоса еще доносились из-за песчаных наносов, поросших пучками сухой травы.

Пляж тянулся дугою, окаймляя залив – от одного скалистого мыса с шапочкой дубняка на макушке до другого, что выдавался в море северней.

Мутноватые волны накатывались, мешая плеск с рокотанием крупной гальки, – целый вал окатышей громоздился вдоль берега.

Японское море невинно зеленело, добавляя к цвету бутылочного стекла сталисто-бурую примесь. Так уж природа распорядилась – чем ближе к странам полуночным, тем краски суро-вой и угрюмей. Берингово море и вовсе свинцово, а в бурю оно почти черное. Спустившись в тропики – увидишь лазурь и чистый изумруд…

Тимофей потрогал опухшую челюсть.

– Замечательно… – прошипел он.

Ребра тоже болели, и на ноге синячище. Ох-х… И на боку еще. Ах, как же ему не хватает бластера-шестизарядника! Будь оружие при нем, эти гопники обошли бы его на цыпочках, подлачиваясь и заискивающе улыбаясь… Увы, тут тебе не ТОЗО, тут Евразия. Статья такая-то, пункт сякой-то: «За хранение и применение пучкового, лучевого, огнестрельного оружия полагается принудительное ментоскопирование с последующим физическим удалением в зону спецкарантина». Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Браун оглянулся. За дюнами прорастала обычная для приморского побережья дубрава, а дальше, под курчавой сопкой, белели и краснели ярусы двухэтажных зданий. Мутухэ. Крайний поселок в Сихотэ-Алиньской системе – «Сихали», как говорили сами жители.

Прислушавшись, Тимофей не уловил ни гоготанья, ни матерков – прибой глушил все звуки, забивая даже пронзительные крики «белого воронья» – вечно голодных чаек.

Браун снова вздохнул, протяжно и тоскливо. Вздох отдался тупой болью в побитой грудине. Что – боль? Унижение язвило куда сильней. Его избили, а он разве что другую щеку не подставлял. Конечно, деду он скажет, что драка была. Хотя какая драка? Это иначе зовется – «нанесение побоев». Четверо на одного. Отпинали, как хотели, и ушли. А почему? А потому, что он слабак. И трус. Правильно ему тогда, на «Милагросе», бока намяли…

Поморщившись, Тима сел на опрокинутую лодку и уставился в море.

Господи, как же он устал бояться… Как поселился в нем страх в детстве розовом и сером, так и живет по сей день, разрастаясь порой до размеров чудовищных, переполняя трясущееся нутро.

…Первый раз Ванька Новаго побил его классе в пятом. Звезданул по челюсти, неумело, но зло, за то лишь, что «Фей» назвал его Иваном. А надо было – Айвеном.

Правда, в школе Айвен и его «корифаны» вели себя довольно смирно – было кому сде-лать им укорот. Новаго «королил» на улице – поджидал одноклассников после уроков и лупил. Или издевался.

Юрика Петренко он заставлял катать на себе Беса. «Всадник» радостно понукал «коня», заставляя скакать вприпрыжку, и Юрик, красный от стыда, неуклюже ковылял по кругу.

Витале Ховаеву Айвен или его подручные лили в штаны стакан чаю, а потом отводили домой, громко сюсюкая по дороге: «Кто это у нас такой ма-аленький? А кто это у нас такой мокренький?..»

Правда, «Фей» никогда шпане не подчинялся, не позволял втягивать себя в жестокие забавы. За это его колотили. Пятиклассник Тима Браун смутно понимал, за что его так нена-видят Айвен и прочие Бесы. Только к классу девятому он стал доходить до причин.

Все объяснялось просто – и Тима, и Юрик, и Виталя были из семей работников, «арбай-теров» или «трудовиков», как их еще называли. Майкл Джалиус и Дарья Антоновна, мистер и миссис Браун, входили в те десять процентов активного населения, которые трудились полу-

чая аванс и получку, а вот мама и папа Айвена числились в клиентах Фонда изобилия – они были неработающими.

«Трудовики» обзывали их «жрунами» или «пролами», сокращая полузаытое словечко «пролетарий»⁶. Не имея ни образования, ни определенных занятий, «жруны» получали «гарантированный минимум благ» – кормились в бесплатных столовках и отоваривались в бесплатных магазинах-распределителях, им давали квартиры даром, возили в электробусах «на халюву», пускали в санатории и на курорты «за так».

Работники и неработающие. «Арбайтеры» и «пролы».

Одни получали образование и работали, других содержали на всем готовом. Первые селились в коттеджах с садиками, вторые – в сотовых многоквартирниках. «Трудящаяся знать» презирала «праздную чернь», бездельное большинство терпеть не могло тех, кто в остатке.

Ну а пока взрослые громоздили социальные проблемы, дети решали их по-своему: отпрыски «жрунов» били наследников «арбайтеров», а наследники поколачивали отпрысков...

– Сволочь человечества! – неумело выругался Браун. – Тупая, жрущая сволочь! Тунеядцы вонючие, хламидомонады...

Однако слова, восколебавшие воздух, тут же рассеялись в шуме прибоя, и злость, нераспространенная и неразряженная, коллапсировала внутрь, обратившись в депрессию.

Полтора года назад он переселился в ТОЗО. В батиполисе «Центроникс» он встретил Виктора, своего лучшего друга, а год назад бросил его умирать в неведомых пучинах... Умом Тимофея понимал, что зря себя уязвляет – пока «Аппалуза» вспльвала, Витя уже трижды бы успел принять свою смерть, но душу все равно корежило и саднило. Чёртова душа... Если бы и вправду чёрту ее продать!

Год минул с тех тошных дней, а лучше Тимофею не стало. Нет, индекс здоровья у него даже выше нормы, но вот почему его полумёртвый организм исцелился за шесть часов, по-прежнему тайна. Разва три Браун проходил медосмотр у кибердоктора, показывался светилам медицины, но ясности не внесли ни машины, ни живые специалисты. Все они дружно признавали, что да, многочисленные ранения и внутренние повреждения действительно имели место, но все давным-давно зажило, без осложнений и без последствий. Лишь один врач-профилактик, молодой и непутёвый, измыслил гипотезу: дескать, впадина Яу, где всё произошло, представляет собой не простое понижение океанского дна, а метеоритный кратер – миллионы лет назад там упал астероид, возможно, внегалактического происхождения. И если допустить, что осколки этого «небесного камня» испускают некую таинственную эманацию, то можно предположить, что данное излучение необычайно благотворно воздействует на человеческий организм – фантастически ускоряется регенерация тканей. Молодой и непутёвый с ходу придумал название той эманации – М-поле, от слова «магический»...

Тимофея даже водички собрал с пола «Аппалузы», чтобы сделать анализ. Сказку вспомнил: «Брызнула волшебница на Ивана-царевича мёртвою водой, и сплотилась отрубленная голова с туловищем. Окропила она добра молодца живою водой, и ожил царевич...»

Экспресс-лаборатория выдала, что представленный образец является ювенильной⁷ водой мантийного происхождения. Удельный вес больше, чем у морской воды. Минерализована и слабо газирована – выделяются водород, гелий, углекислота. Лечебных свойств не обнаружено.

---

⁶ Пролетарий – от лат. Proletarius – «гражданин, который служит государству только тем, что имеет детей».

⁷ Ювенильная вода – подземная вода, образующаяся при соединении водорода и кислорода, выделяющихся из магмы. Является «первой», то есть еще не вступившей в круговорот воды в природе.

Ссгулившись, Тимофея Браун уставился на волны, что накатывали на пляж, и памятью вернулся в прошедшее...

...Во вторник его на пару с Виктором Волиным послали чистить китов. Тимофея влез в гидрокостюм, напялил аквастат с рогатым шлемом, и старший смотритель торжественно вручил ему электроскребницу.

Кашалоты внушали почтение даже тогда, когда ты сидел в субмарине. Что уж говорить об ощущениях человека, плавающего рядом с колоссами океана?

— Они смирные, — звучал Витин голос в наушниках, — их чистишь, а они чуть ли не мурлыкают...

Однако слова Волина как-то не убеждали Тимофея Брауна, возымевшего решение стать китовым пастухом. Уж больно громаден был кашалот, уж слишком грозно выглядел, чтобы представить его милой животинкой, мурчащей у тебя на коленях.

Погрузившись в воду, Тимофея храбро подплыл к громадному самцу, чья спина была густо усеяна круглыми отметинами размером от чашки до глубокой тарелки — это были следы мощных присосок кальмаров.

— Вот, гляди, — сказал Виктор, подплывая и указывая на бледных толстеньких раков, устроившихся на спине кашалота и извивавшихся, точно волосы Медузы Горгоны. — Это конходермы и коронулы. Сгребай паразитов!

Браун решительно включил скребницу и удалил раков.

— А тут, смотри, — китопас поднырнул под брюхо животного, — тут у Леви «китовые вши» завелись. — Он показал на мелких ракообразных, чьи раковинки покрыли кожу кита рыхлой нашлепкой — китовые пастухи называли их «чепчиками». — Выводи!

Тимофея поскреб киту брюхо, бормоча:

— Леви, Леви...

Кит пошевелился — очень осторожно, словно нежась. Так еще бы! Рук у Левиафана нету, не почешешься... А иногда небось так хочется!

— И вот еще! Ах ты, зараза...

Браун подплыл и обнаружил небольших, в локоть длиною, рыб неприятного серого окраса, облепивших бок кита. Это были прилипалы, они же реморы. С ними пришлось повозиться. Но вот последняя из ремор, украшенная присоской, похожей на подошву кроссовки, отвалилась, всплывая сверху брюхом.

— Эти еще ладно, — просвещал Виктор товарища, — а вот если минога присосется... Пипец! Мерзость. Скользкая такая, верткая, коричневая вся. Больше всего пиявку напоминает, такая же дрянь — прилепится к китику и давай из него кровь сосать... Ну, все, инструктаж, считай, получил, давай, чисти дальше!

...В среду Тимофея Браун пас кашалотов на пару с Волиным — его субмарина медленно, в надводном положении, обходила стадо по часовой стрелке. Витина кружила против часовой. Когда подлодки встречались, Волин, выглядывавший из люка, орал:

— Привет, беспризорник! Чё делаешь?

— Хвосты китам кручу, — отвечал Браун.

Ему было хорошо — с ним были океан, киты и друг. Сложно было понять, что же их связало, его — благовоспитанного юношу, и Витку, уличного пацана. Но связало крепко...

Повсюду, насколько хватал глаз, в волнах темнели группы китов. Блестели на солнце черные дуги — это скользили и исчезали под водою спины нырявших кашалотов, буквально ввинчивавшихся в воду. Взлетали в воздух фонтаны пара. Иногда тишину разрывал громкий удар хвоста о воду, подобный пушечному выстрелу.

Кашалоты и сами описывали в океане немалый круг; через неделю стадо вернется к началу пути.

В ясном небе не было видно птиц, только одинокий альбатрос тяжело обрушился на волну, вспарывая воду широкими перепончатыми лапами.

Воздух над океаном был неподвижен, тихо кругом – только волны наполняли тишину плеском и шорохом, подобно тому, как песок и ветер непрестанно шепчут что-то в безмолвии пустыни.

После полудня безмятежную пастораль нарушил «маверик» – бродячий кит-одинец, огромное создание, не мельче самого вожака по имени Тимор Пинк – тоже полных двадцать два метра «роста». Маверик отливал иссиня-черной шкурой с коричневыми подпалинами, а кожа вокруг пасти была посеяна массой шрамов, оставленных клювами кальмаров, их же роговыми зубами и присосками. Матерый зверь. Видно, что не дурак подраться, но ведет себя мирно, пасется неподалеку и никого не задевает.

Вдруг откуда ни возьмись появилась стая косаток – прекраснейших обитателей океана, возглавляемая громадным самцом в роскошном наряде: в черном «фраке» и белой «манишке». Высокий спинной плавник вздыблен, как меч наголо.

Заметив одинокого кита, стая свернула к маверику, а тот – ноль внимания, фунт презрения.

– Ну, щас чё-то будет… – послышалось в репродукторе бормотание Волина.

Надо отдать должное вожаку косаток – он медлил, словно прикидывая баланс сил. Зато его молодой и норовистый приятель раззинул пасть и бросился на маверику.

Кит-одиночка не кинулся наутек и не стал атаковать сразу – он выжидал. И в самый решающий момент, яростной дугой изогнув свое громадное тело, нанес косатке-отморозку сокрушительный удар хвостом. В следующий момент его нижняя челюсть вспорола мягкое брюхо агрессора – волны окрасились кровью.

Вопли умирающего собрата привели косаток в смятение. Они начали кружить вокруг беспомощно извивающегося товарища, а одна из самок даже попыталась поддержать его, не дать утонуть. Но тщетно – страшная трехметровая рана была несовместима с жизнью.

А маверик свернулся на запад и спокойно ушел в открытое море…

…В четверг ночью субмарина Брауна тихо следовала за стадом. Тимофей рефлекторно избегал облаков испражнений, желтевших в лучах прожекторов.

Днем легче увидеть другие следы прошедшего стада китов – стаи птиц, которые ныряют, подбирая за китами объедки, и стаи акул, кои тоже не чураются падали.

Задача у Брауна была проста и незатейлива – собирать плавающие по поверхности куски амбры.

Иногда в кишечнике кашалота образовывались сгустки серой восковидной массы – амбры. У нее был резкий гнилостный запах, но со временем он превращался в приятный, напоминающий мускус, жасмин, ладан. И это удивительное вещество усиливало тонкие ароматы парфюмов, закрепляя их и делая невероятно стойкими. Ценный побочный продукт китоводства.

Тимофей выбрался к стаду и увидел слева по борту странное сияние – шел огромный косяк тунцов, и каждая из огромных, мощных рыбин разрывала темную пелену моря фосфоресцирующими полосами – это светился потревоженный планктон, рассеивая зеленое и пурпурное сияние.

Рассекая эти красочные узоры, ринулись киты, желающие «порыбачить». Мало кому из «рыбарей» улыбнулась удача. В то мгновение, когда над тунцом уже готовы были сомкнуться страшные челюсти, «рыбон» уносился в темноту, серебристо сверкнув, точно сабля, выхваченная из ножен.

Отблистали тунцы, и вода вдруг рассыпалась серебристыми иглами – это миллионы сайр пожаловали. Бока рыбок сияли радужным блеском, спинки отливали металлической синевой. Кашалоты лениво последовали за косяком, хапая сайру на ходу...

...Стрелять из бластера Тимофея учил Волин, не без зависти наблюдая скорый прогресс, – у Брауна была природная сноровка, твердая рука и глазомер.

Сначала, правда, Тимофея тренировался сам. Стесняясь собственной неуклюжести, он битый час упражнялся в выхватывании квантового пистолета-разрядника, который в Евроамерике прозвывали бластером. Тренировался он в глухом углу южного сектора «Моаны-2», стационарного плавучего острова.

– Ты его неправильно держишь, – послышался голос Волина.

Браун резко обернулся. Виктор стоял широко расставив ноги и уперев руки в бока.

– А как надо?

– Не вытягивай руку и не целься, понял? – посоветовал Волин. – Выхватил бласт – локтем упрись в бедро и наводи, не глядя. Поворачивайся всем корпусом. И стреляй. Понял, в чём изюминка? Это на соревнованиях можно руку тянуть, выпендриваться по-всякому, а на улице выигрывает тот, кто быстрей. И метче.

Только ты... это... учти: не вздумай пугать бластом! Не вопи: «Стой, стрелять буду!» и не пали в воздух. Вытащил оружие? Стреляй! А стреляй для того, чтобы убить. Ухватил суть? Ну вот... И запомни: если ты где-нибудь в батиполисе пристрелишь вооруженного океанца, тебя оправдают. Тут один закон, и все носят этот закон с собой в кобуре...

– А если я безоружного... э-э... убью?

– Тогда тебя линчуют, – просто ответил Волин. – Утопят. Если поймают, конечно. А не словят, так объявит награду. Прикинь? Какой-нибудь «охотник за головами» отправится по твоему следу, чтобы тебя пришлётнуть... А тебе это надо?

– Обойдусь как-нибудь...

– Верно мыслишь! И... и знаешь чё? Я тебя за хвастуна не держу, ты у нас скромник, и всё равно – не хвались своим умением стрелять. Каким бы ты отличным ганменом⁸ ни был, рано или поздно найдется кто получше.

– Да чем тут хвастаться... – уныло вздохнул Тимофея.

– Хочешь научиться стрелять?

– Хочу!

– Тогда пошли.

Волин проводил Брауна в спортзал и завел в стрелковый модуль.

– Даю тебе свой «смит-вессон», – сказал он, доставая из силикетового сейфа увесистый револьвер с рукояткой, отделанной слоновой костью. – Сорок четвертый калибр. Вот патроны. Вот наушники – грохоту будет...

– А ничего, что шум? – несмело спросил Тимофея, застегивая на бедрах оружейный пояс с кобурой.

– Здесь четыре слоя акустической защиты, так что... Шуми на здоровье. Главное, если уж ты с пулевым оружием научишься обращаться, то с фузионным только так справишься – у бласта отдачи нет!

Волин растворил объемистый встроенный шкаф, и оказалось, что это не мебель вовсе, а ниша для робота – здоровенного андроида, стоявшего, широко раздвинув ноги-тумбы и раскинув мощные бугристые дланни.

---

⁸ Ганмен – стрелок. Ганфайтер – буквально «боец с револьвером» – человек на Диком Западе, благодаря особым природным данным и тренировкам достигший чрезвычайной меткости и быстроты в пользовании револьвером; многие знаменитые ганфайтеры были шерифами, другие – наемными убийцами и бандитами.

— А тут у меня типа мишень, — сказал Виктор. — Балбес, знакомься — это Тимофей, он будет на тебе тренироваться.

— Страшно рад, — пробасил робот, — страшно горд.

— А я ему ничего не попорчу? — неуверенно спросил Браун.

— Я покрыт тяжелой броней, — прогудел Балбес, как Тимофею показалось — со снисхождением.

— Дерзай, — сказал Виктор. — Я заглядывал в твою физиолептическую карту... Короче — у тебя хорошая координация движений и быстрая реакция. Будешь упорно заниматься — получится ганфайтер. Заленишься — и контрольный выстрел сделают тебе.

— Не дождутся, — тихо сказал Тимофей.

— Тогда — огонь!

Браун выхватил револьвер и нажал на курок. Грохнул выстрел. Пуля ушла в стену и словно растворилась. Маленькую дырочку затянуло смолопластом.

— Представь, что указываешь на Балбеса пальцем, только это будет не палец, а дуло. Огонь!

Тимофей сунул «смит-вессон» в кобуру, отвел руку — и бросил ее вниз. Выхватил. Уперся. Выстрел! Увесистая пуля с сочным чмоканьем вошла в бок роботу-андроиду.

— Во! — радостно крикнул Волин. — Молодец! Ну, я пойду, а ты оставайся.

И Тимофей Браун продолжил расстреливать Балбеса.

Весь день он не вылезал из стрелкового модуля, прервавшись лишь на короткий обед. У Брауна не проходило удивительное ощущение — будто это не он, а кто-то другой обитал в его теле и вот теперь трансформируется, как куколка-имаго, превращаясь... Да нет, не в бабочку. В кого-то пожестче, потверже, побежалостней.

Тимофей тренировал обе руки, выхватывая револьвер и стреляя, как заведенный. Первые часы Балбес густым басом сообщал: «Мимо... Опять мимо... Попал. Рана не смертельная, но болезненная». К концу дня его убийственные доклады звучали мажорней (или минорней — это уж с какой стороны поглядеть): «Попал. Убит... Попал. Рана смертельная. Умер... Попал. Рана несерьезная — перебито запястье. Противник не способен удерживать оружие, рекомендуется добить... Попал. Умер...»

...Когда он переехал в Мутухэ, стояла осень, но было тепло. Солнце пригревало, на фоне ясного индигового неба желтели сопки — бледно золотились осины, коричневели дубы, клёны вносили в общую палитру сочные мазки багрянца.

Тимофей бродил по кольцевому насаженному парку, держась круговой аллеи, и думал невеселые думы. Его обогнала бегунья — молодая девушка в шортиках и майке. Браун загляделся — длинные ноги так ладно двигались, так живо крутилась попа. И тяжелые груди упруго мотались из стороны в сторону... Он долго глядел вслед бегущей, пока та не скрылась за поворотом.

Мысли у Тимофея приняли иное направление, а потом их словно выдуло из головы — он снова увидел ту самую девушку. Она сидела на скамье и всхлипывала. И только теперь Тимофей узнал ее — это была Марина Рожкова, наблюдающий врач и «Мисс Мутухэ», натуральная блондинка с роскошными формами и лицом невинного ребенка.

Врачина была ослепительно красива, и все, чем ее щедро одарила природа, было чуть-чуть чересчур: чересчур длинные ноги, слишком крутые бёдра, уж больно узенькая талия, несоразмерно большие груди. Но какая-то высшая гармония сочетала преувеличенные прелести Марины в пленительную целокупность, создавая красоту потрясающей и необоримой силы.

— Что случилось? — спросил Браун, робея.

Девушка подняла на него огромные заплаканные глаза, в которых светилось страдание, и моргнула длинющими ресницами. Блеснув, сорвалась слеза.

— Я ногу подвернула, — ответила Марина хныкающим голосом. — Вот тут...

– Ну-ка… – Тимофея, поражаясь собственной храбрости, присел и осторожно взял в руки прекрасную ножку. Сердце колотилось всё чаще. Бережно ощупав лодыжку, он сказал: – Вывиха нет. Да, это растяжение, дня через два пройдет.

– Два-а? А сейчас?

– А сейчас я совершу подвиг, – сказал Браун, словно согая в ледяную воду, – и отнесу вас домой.

Марина долго смотрела на него, а потом заулыбалась вдруг и протянула руки. Тимофея подхватил девушку на руки – ноша его была наиприятнейшая, однако и страх присутствовал: а донесет ли он? Справится ли?

Донес. Ногой толкнул калитку во двор Марининого коттеджа и боком пронес в гостиную, стараясь не пыхтеть от натуги. Осторожненько опустил на диван – пальцы правой руки все еще помнили великолепное касание груди.

– Сейчас наложим заживляющий тампопластырь, – бодро сказал Браун.

– Не сейчас, – сладко улыбнулась врачиня. – Мне надо принять душ – я же вся потная. Поможешь?

Во рту у Тимофея всё пересохло, поэтому он ничего не сказал – кивнул поспешно.

А девушка стянула с себя маечку и привстала на одной ноге.

– Сними сам.

Неловкими пальцами Браун расстегнул диамагнитный шов на шортиках и стащил их вместе с трусиками. Лобок у девушки был гладок – ни ворсинки…

Незаметно облизав губы, Тимофея поднял Марину и понес ее в ванную, стараясь не слишком жадно разглядывать тело девушки.

А вот мечты его вели куда дальше – в спальню. Однако ничего-то у него не вышло. Даже поцеловать не удалось.

Он тщательно искупал красавицу, руками обмывая каждую ложбинку и западинку, вытер насухо полотенцем и отнес обратно в гостиную… Марина легла поудобнее, укрылась пледом. Сказала «спасибо» и «до свиданья», послала Брауну воздушный поцелуй и попросила вызвать робота медслужбы ей на дом…

…Тимофея Браун длинно вздохнул и потер опухшую скулу – сладостные мечтания испарились под солнцем грубой реальности. Он вспомнил Айвена Новаго с дружками. У Айвена тоже губа не дура – этот «жрун» давно поглядывал на Марину, как голодный кот на сметану.

Тимофея сжал губы и прищурился. Евразия тут или не Евразия, неважно. Можно окаться битым, лишь бы не забыть встать и дать сдачи. Не получилось сразу? Повстречай обидчика потом и верни должок с набежавшими процентами! Прощать оскорбление нельзя – честь дороже всего. И это вовсе не глупое геройство – как себя поставишь, так и жить будешь. Позволишь хоть раз себя толкнуть – и тебя отовсюду повышают!

Браун упруго поднялся и пошагал к белеющей вдали береговой станции. Было без пяти десять, пора на дежурство.

Мутухинская станция размерами не впечатляла – набор «слипшихся» боками куполов, больших и маленьких. Самая объемистая полусфера погружалась в залив, принимая на себя шумливые волны.

Тимофея дошел до двери и приложил ладонь к выдавленному отпечатку пятерни. Овальная створка с широком убралась в пазы. Вход свободен.

Чувствуя внезапное раздражение, Браун прошагал по коридору, но смену не застал. И слава богу… Сейчас он никого не хотел видеть.

Зайдя в свою рабочую комнату, Тимофея первым делом водрузил на стол предмет зависти сменщиков – почти что антикварную арабскую кофемолку. Это был тяжеленький агрегат из бронзы, с выпуклыми росписями, славящими Аллаха. Давным-давно, до нановека, до

века атома, ее доставала по утрам какая-нибудь Гюльчатай, чтобы приготовить свежую «кахву» хозяину и господину...

Представляя, как Маринка – голая, разумеется! – вращает ручку бронзовой мельнички, призвано поглядывая на него, Браун засыпал порцию прожаренных зерен и взялся молоть сам. Машина забрякотала, заурчала, заскрежетала, трудолюбиво измельчая плоды кофейного дерева. Пересыпав порошок в старинную джезву, смотритель ливанул туда же стакан воды и подогрел, «не доводя до кипения». По комнате поплыл непередаваемый аромат... Теперь переливаем «кахву» в чашечку и смаакуем, глубокомысленно пляясь в вогнутую стену.

Тимофей очень любил эту «пятиминутку» перед выходом на дежурство. Пока организм согревается, принимая в себя глоточки кофе, мысли текут с той же неспешностью, огибая пороги тревог.

Вздохнув в который раз, смотритель встал и помыл посуду. Внезапно в дверь позвонили.

– Кому это дома не сидится? – пробурчал Браун.

Открыв дверь, он отступил в полном обалдении – на ступеньках стояла Марина Рожкова. Девушка была в одном платьице, облепившем великолепные выпуклости так, словно было мокрым. Босоножки она держала в руке, зацепив ремешки пальцем. Тимофей перевел взгляд с улыбающихся губ на загорелые груди, чьи соски буравили ткань, и затрудненно слготнул.

– Ну? – улыбнулась Марина, изгиная бедро. – Так и будешь меня на пороге держать?

– Проходи, конечно! – Браун шарахнулся назад, освобождая проход.

Девушка наклонилась, стряхивая песок с босых ног, выпрямилась и перешагнула порог.

– Ты один? – спросила она, с любопытством оглядываясь.

Тимофей кивнул. Потом до него дошло, что Марина в этот момент на него не смотрела, и он спешно ответил:

– Один. Смена уже ушла.

– Это хорошо... – пропела девушка, разворачиваясь к нему.

Она оказалась так близко, что Браун ощутил слабый запах духов и чистой воды, исходящий от тела Марины. Не в силах совместить чудесное с явным, он протянул ладони и коснулся напряженных сосков, похожих на крупные малинки, только не мягких, а твердых, как желуди.

– Марина... – Тимофей облизал сухие губы.

Девушка отпустила босоножки, положила руки ему на плечи, нежно обняла за шею.

– Ты дрался из-за меня? – промурлыкала она.

– Да-да...

– А я доставила приз... мм... побежденному победителю. Себя... Лично в руки.

Сухой и жадный рот «Мисс Мугухэ» впился в его губы. На минутку оторвавшись, Марина проворковала:

– А ты знаешь, что Айвен отучился на курсах и уходит в ТОЗО?

– И кем же? – поинтересовался Браун, не скрывая досады.

– Точно не скажу, но явно не китовым пастухом! И я туда же собралась, буду океанцев лечить...

Тимофей почувствовал жгучую ревность.

– С Иваном? – насупился он.

– Нет, ну почему обязательно с Иваном? Могу и с тобой...

– Да! – выпалил Браун.

– Только ты должен так отколошматить Айвена, – строго потребовала девушка, – чтобы он больше никогда к тебе не прикашивался!

Тимофей задумался, хотя и знал, что Марина не любит долгих размышлений.

– Думаешь, это поможет? – спросил он с сомнением.

– Не будь занудой! – сказала Рожкова нетерпеливо. – Ты отлупишь его? Ну? Раз! Два!

Три!

– Да! – Тимина рука сжала грудь девушки. Сейчас он был согласен на всё.

– Сегодня, мм?..

– Да.

Его ладони скользили по гибкому телу, второй раз касаясь прелестных выпуклостей, вминая пальцы в восхитительную атласную тугость. Обмирая, Браун залез рукою под юбку и потянул вниз Маринины плавочки…

На работу он опоздал. Но нисколько не жалел о нарушении трудовой дисциплины. Не спеша Тимофей спустился в батинтас – нижний зал. Раздевшись, напялил на себя рабочий комбез, отшиловился и перешел в ангар, где поддерживалось удвоенное давление воздуха. Уши сразу закладывает, зато море не полнит низкий купол, а держится на уровне пола, узкой полосой окаймлявшего круг чистой воды.

Вода почти не колыхалась, но маленькая субмарина типа НБ, приткнувшаяся к бортику, тихонько покачивалась, улавливая ритм прибоя. Размером с электрокар, подлодка не годилась для покорителей глубин – тихоходная и хрупкая, она никогда не опускалась туда, где меркнет свет солнца. А если и погрузится, то превратится в блин. Пока же, находясь в целости, она больше напоминала круг сыра. И впрямь «ныряющее блюдо»!

Воздух стоял сырой и тяжелый, с потолка падали крупные капли конденсата, плюхая в воду или звонко цокая по борту НБ.

– Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья! – бодро продекламировал Браун.

Привычным движением откинув прозрачный колпак, он влез в тесную кабину, просовываясь вовнутрь по очереди – сначала правую ногу, потом левую… Так, вроде уселся. Рукой дотянувшись до колпака, Тимофей притянул его, и тот мягко опустился, с чмокающим звуком замыкаясь на уровне плеч.

Кое-как вытянув ноги между кислородным баллоном и шаровым аккумулятором, смотритель глянул на пульт – все в порядке.

– Приступить к погружению, – скомандовал он сам себе, лишь бы стало поменьше тишины и пустоты.

Заклокотала вода в цистернах, «энбэшка» плавно пошла вниз, и голубоватое сияние ангара сменилось зеленистым светом, что сеет солнце на малых глубинах.

Положив руки на джойстики, Браун включил водомет. Под полом зашипело и зажурчало. Субмарина медленно проплыла между решетчатых опор ангара, выходя в море со скоростью водного велосипеда.

Чем дальше от берега упывала НБ, тем чище делалась вода – уходила за корму поднятая волнами муть, размытые лучи света обретали четкость контура. Безрадостное каменистое дно постепенно наполнялось биением жизни – вон бледно-розовая актиния показалась, а вон – асцидии прилепились к глыбке, похожие на двугорлые темно-красные кувшинчики. Поползли трепанги и морские звезды, из донных отложений выгляднули плоские морские ежи – их панцири словно покрыты были темно-фиолетовым фетром. А вон и их круглые собратья иглы топырят… Проковылял краб. Рывками промахнула молодь креветок, играя изумрудными спинками.

Субмарина пошла в обход мыса, и у подножия прибрежной скалы открылась плотная черная полоса – мидиевая банка. Вон гребешок клацнул створками и мягко отпрыгнул, толкаемый слабой струей. А вон маленький осьминог суетливо прячется в створку крупной устрицы. И этот боится…

На пульте замигал зеленый огонек, и диспетчер с центрального поста сказал официальным голосом:

– Вызываю Эн-Бэ номер семь.

– Слушаю, – обронил Браун.

- Тимка, ты, что ли?
  - Видео включить?
  - Зачем?
  - Для опознания.
  - Да не, не стоит. Кислое выражение твоей физиономии еще не стерлось из моей памяти.
- Ты где бродишь?
- Я на границах плантации восемь тире «Бэ».
  - Принято...

Поморщившись досадливо – к чему этот агрессивный тон? – Тимофей направил субмарину на юг, туда, где уже угадывался келп. Плантация 8-Б. По огромным коричневым плетям ламинарии скользили блики то изумрудного, то медного цвета. Округлые корешки водорослей цеплялись за каменистое дно, и растения живыми синусоидами поднимались вверх с глубины двадцати метров, почти достигая поверхности. Чем не лес? Всей разницы, что не ветерком колеблется, а приливным течением.

«Энбэшка» двинулась малым ходом, раздвигая ламинарию округлым носом. Браун пристально вглядывался в чащу водорослей. В июне собрали первый урожай, целый квартал ламинарию подкармливали, облучали – можно снова приступать к уборке. Вон, слоевища⁹ какие – мясистые, плотные. Пожалуй, пора, а то переспеют...

- Диспетчер! Тут Эн-Бэ семь.
- Я вас внимательно слушаю.
- Расшевели своих кибернетистов, растолкуй им, чтобы слали ко мне биокомбайны...
- Зачем тебе? Ты что, никогда не видел биокомбайн?
- Сено косить пора.
- Так нешто мы без понятия? – всполошился диспетчер. – Жди, начинаем переброску.
- Жду.

Часом позже Тимофей осмотрел почти всю плантацию. А тут и биокомбайны, переброшенные дирижаблем, рядом опустились под воду. Десять белых клешнятых аппаратов пошли уступом, следя у самого дна. Хватаясь сразу за несколько водорослей, они подрезали их манипуляторами и быстро-быстро сматывали, накручивая, как спагетти на вилку. Поверху скользил уборочный катамаран.

Работы хватало и Тимофею. Заученные движения, монотонные действия мешали думать, отвлекали от неприятностей. Близился вечер, и он страшил Брауна. Легко было обещать Марине «разобраться» с Айвеном, куда труднее сдержать данное слово... Но надо. «Надо, Тима, надо!»

Солнце зашло за тучку, под водой сразу стемнело, и биокомбайны зажгли яркие фары. Лучи прожекторов пронизывали воду ощущимыми конусами света, и все краски, размытые водой, теперь сверкали так, будто с них стерли тусклый налет.

- Все, – сказал смотритель Браун, когда биокомбайны зависли над сжатым «полем», – плантация восемь-бэ убрана.
- «Стада в хлевах, – процитировал диспетчер с выражением, – свободны мы до утренней зари!»
- Чао-какао...

Субмарина развернулась, направляясь в обратный путь. Тимофей поморщился – труд, называется! Четыре часа поработал – и домой. А вот в ТОЗО вкалывали по-настоящему, без дураков. Пахали, горбатились по восемь, по десять часов, бывало, что и без обеда, без выходных и праздничных дней. Зато как сладок был отдых после тяжелого дня! Как вкусна была уха, сваренная на бережку необитаемого острова!

---

⁹ Слоевищем называют стебель водоросли. У ламинарии он ремнеобразный и плоский.

...Над океаном багрянеет закат, волны мерно наваливаются, перебирая песок и покачивая причаленные субмарины, в котле булькает, а китопасы сидят вокруг костра и рассказывают случаи из жизни – о встречах с Большой Белой Акулой, с Великим Кальмаром, с неведомыми вовсе тварями, скрытыми в безднах вод... О женщинах, о китах, о ганфайтерах...

Аккуратно закрыв за собой дверь на станцию, Браун сделал несколько шагов по пляжу и замер. Море ритмично дышало, поднимая и опуская волну за волной.

Море... Подумаешь, море. Миль за двести отсюда изогнулись Японские острова, а дальше, за краем земли, начинается океан. И проходит граница Тихоокеанской Зоны Освоения. Фронт¹⁰ ТОЗО.

Тут с моря донесся басистый гул. Из-за мыса выплыл огромный корабль на воздушной подушке. За кормой у судна вставала гора... да что там гора! Целая горная гряда водяной пыли. Судно быстро проследовало на юг и скрылось за изгибом берега. А Тимофей пошагал домой.

Стоял конец сентября, было безветренно и тепло, хотя по ночам уже чувствовался холодок. Некогда зеленые сопки переодевались в желтое, ярко золотое на фоне пронзительно синего неба. Кольцевой парк, окружавший Мутухэ, был засажен кедрами и выделялся – темный, но живой, на светлом и увядющем. Цвет хвои живо напоминал окраску ламинарии под серебрящимися водами залива. «Опушка келпа!» – усмехнулся Браун.

Серая полоса фривея¹¹, раскатанная с невысокого перевала, плавно огибала парк, поднимаясь на эстакаду – дорога словно вставала на цыпочки. Движение было редким – прошуршила на юг пара атомокаров, приплюснутых и распластанных; огромный, обтекаемый электробус укатил на север, громко урча моторами. И тишина...

Сиеста. Днем мутухэнцы сонливы и вялы, на улице они покажутся часам к семи – на людей посмотреть и себя показать.

Тимофей прошел по всей улице, спустился к набережной, повторявшей изгиб речки Мутухэ. Он искал Айвена через «не хочу» и «не могу».

Внезапно Браун замер. Из подъезда дома напротив вышел Новаго, тиская высокую стройную девушку. Марина?! Тимофей бросился вперед и тут же резко затормозил – Рожкова, смеясь, позволила жадным губам Айвена коснуться стройной шеи, а после ухватила рукой его подбородок и притянула к себе. Поцелуй был краток – Марина увидела Брауна. Тимофей закаменел лицом, круто развернулся и пошагал прочь.

– Тима! – донесся требовательный голос девушки. – Ты мне что-то обещал!

Смотритель бросил через плечо:

– Ты сперва сама разберись, с кем ты!

– Трус! Трус!

– Я все сказал!..

Ожесточившись, Браун прибавил ходу и вскоре уже был дома, у кованой резной калитки дедушкиного коттеджа. Все как полагается – кошеный газончик, стриженые кустики. На плоской крыше ловит отблески дня новенький птерокар. А вот на душе у смотрителя плантации было тускло. «Да что ты так распереживался? – уверчивал себя Тимофей. – Кто она тебе? Невеста? Жена? Этим утром у тебя с нею впервые был секс, так что Марину даже любовницей трудно назвать. Думать можно что угодно, но клятву верности она тебе не давала...»

Поднявшись на ступени, Браун оглянулся на поселок, посмотрел, чувствуя сильнейший позыв к одиночеству, и вошел в прохладный холл. Дверь закрылась за ним, отчетливо чмокнули все три слоя акустической защиты. Уличные шумы перестали докучать ушам, зато про-

---

¹⁰ Фронт – в американской истории – граница освоенных территорий, передний рубеж.

¹¹ Фривей – автострада.

резались привычные, домашние звуки – жужжание роботессы Глаши, наводившей идеальную чистоту в комнатах, и размеренное тиканье напольных часов, вот уже вторую сотню лет отбывающих время.

– Это ты, Тима? – донесся голос деда из библиотеки-лаборатории.

– Я...

– Кушать будешь?

– Спасибо, я найду что поесть. Ты работай...

Браун скинул куртку, обул любимые тапки и прошаркал на кухню. Линии Доставки в поселках не строили, уж больно дорогое это удовольствие, так что приходилось по старинке набивать холодильник припасами. Зато в углу, рядом с мойкой, красовалась УКМ – универсальная кухонная машина. Дед Антон ею очень гордился, хвастался своим умением обращаться с киберкухней, однако Тимофей сильно сомневался, что вину за полусырой картофель фри или мумифицированного цыпленка-табака следует возлагать на « заводских бракоделов»...

Все же таки дед не удержался и явился на кухню – громадный, толстый, красный, в расстегнутом пиджаке и растерзанном галстуке, и вместе с тем добрый, смешной и хороший. Поглощая свою профессорскую бородку, дед Антон бодро спросил внука:

– Отработали, Тимофей свет Михайлович?

– На пять с плюсом, – ответил тот, по очереди откусывая от колбасы, булки и огурца.

– Там суп есть. Харчо! Сам варил.

– Не хочу жидкого, – вывернулся Браун, – потом всю ночь булькать будет...

– Ох, а это что такое?! Кто тебя так?

Тимофей досадливо поморщился. Глянул в зеркало и только сейчас заметил здоровенный фингал под глазом. В горячке боя не почувствовал...

– А что такого? – буркнул внук.

– Как – что? – возмутился Антон Иванович. – Ты – мальчик из хорошей семьи, интеллигентный, образованный, работник! А эти...

– Дед, прекрати, – тихо сказал Тимофей. – Я всего лишь паршивый интеллигент, не способный ударить человека по лицу. А вот перед «этими», как ты выражаяешься, такой морально-этической проблемы не стоит. Они просто подходят и дают в морду! И меня бесит мой статус интеллигентного мальчика, меня тошнит от воспитанности! Я понимаю, что вы учили меня шаркать ножкой и говорить «пожалуйста» из самых благих побуждений, но, честное слово, лучше бы вы преподали мне уроки отборного мата! И показали бы парочку приемов... – Он выдохся и даже пожалел деда. Старый-то тут при чем? – Извини, вырвалось...

Дед мелко покивал и вздохнул горестно.

– Ты должен понять, – сказал он, – эти просто завидуют тебе...

– Завидуют? – спросил Браун, снова чувствуя прилив раздражения. – Чему же это?

– Ну, как же? Ты работник, тебе больше дано...

– Дед! – заговорил Тимофей прочувствованно. – Это не они мне, это я им завидую. Они свободны и могут делать что хотят. А я? Да, конечно, я могу подкопить денежки и слетать в отпуск на Луну, куда «жрунов» не пускают, или притащить в дом какую-нибудь картину-подлинник, купить которую ЭТИ не смогут, никакого личного фонда не хватит. И что? По-твоему, в этом счастье? – Браун говорил сумбурно, он спешил выложить все, словно опасаясь, что дед помешает ему высказаться. – Нет, вот ты сам подумай – как «жруны» могут мне завидовать? Чему? Тому, что я встаю в шесть утра и иду на работу, когда все они крепко спят? Пойми ты! И им, и мне отпущен один и тот же срок, однако они проживают свою жизнь как хотят, на все сто, а я одну четвертую своего жития трачу на работу! Не скрою, мне нравится моя работа, но им-то она зачем? Чего для? У них и так все есть!

– Ты не понимаешь, внучек, – запротестовал дед. – Поверь мне – бесплатный хлеб горек...

– Это ты сам придумал? – Тимофей напустил яду в голос. – Или слышал где-то? Ты еще расскажи, как страдают «пролы», как они переживают из-за того, что не своим трудом добывают хлеб насущный. Не переживают, дед! Уж ты поверь мне! Они смеются над нами, понимаешь? Анекдоты сочиняют про нас, недотеп! А их любимый ситком ты смотришь? Хоть изредка?

– Ты имеешь в виду этот сериал, «Требуются на работу»? – нахмурился дед. – Ну-у, вну-чек, это же халтура! Постановка ужасная, тексты убогие, актеры играют просто безобразно...

– Да я ж не спорю! Но «жрунам» нравится. Потому что главный герой, бездельник и повеса, всегда побеждает суетливых зануд-работников, уводит у них девушек, с легкостью решает задачки, над которыми боятся целые институты, да все без толку...

– Тима! Но это же специально так сделано! Это же само правительство заказывает такие ситкомы и драмеди на СВ¹², чтобы успокоить массы, чтобы утешить их, внушить им иллюзорное чувство превосходства, избавить неработающих от комплекса неполноценности. Ведь они – электорат! Как ты этого не понимаешь?

Дед Антон замолчал, хмуро качая головой, а внук напрягся, собираясь с духом, собрался и бухнул:

– Дед, я хочу вернуться в ТОЗО.

Дед выкатил глаза в крайнем изумлении, открыл рот, закрыл и затопал по кухне, от УКМ к холодильнику и обратно. Замерев, он повернулся к Тимофею и спросил, тая надежду:

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

К его немалому удивлению, дед не стал кричать тонким голосом и браниться, а строго осведомился:

– Ты не забыл, как потерял там лучшего друга? Как вас расстреливали в упор, и никому до этого не было никакого дела? И после всего этого, Тима, ты снова хочешь эмигрировать в сие царство анархии и произвола?

– Хочу, – твердо сказал Тимофей Браун. – Произвола там в достатке, это верно, зато в ТОЗО нет ни «пролов», ни «арбайтеров». Океанцы делятся по извечной шкале – на плохих и хороших, на своих и чужих. Там трудно, опасно, но жизнь там настоящая, в подлиннике!

Дед Антон долго молчал, а потом проговорил деловито:

– У меня училась одна девушка, Наталья Стоун. Ее родители переселились в ТОЗО. Три года назад их убили. Наталье досталось хлопотное хозяйство – ранчо «Летящая Эн», они там держали стадо кашалотов. Да и сейчас держат... Наташа как раз во Владивостоке, учится в школе переподготовки. Я позвоню ей и попрошу взять тебя китовым пастухом. Учи: Наташа сможет тебя пристроить только на время перегона. Работенка та еще, и лишние руки ей не помешают. Ну а там уж, как себя покажешь... Согласен?

– Согласен, – выдохнул Тимофей. Подумал и добавил: – Ты у меня самый лучший дед!

Самый лучший дед вздохнул тяжко и сказал:

– Ступай уж, Тимофей Михайлович...

Дед Антон выполнил свое обещание. Поговорил со Стоун, а после подозвал к видеоФону Тимофея. Браун подошел и увидел в экране лицо хорошенъкой девушки, осмугленькое солнцем и обрамленное волнами иссиня-черных волос, не красавицы, как Марина, но премиенькой. Впечатление глупенькой очаровашки портили серьезные карие глаза и выражение нетерпения. Девушка внимательно оглядела смотрителя плантаций и улыбнулась с неожиданной ласковостью.

– Привет! – сказала она.

---

¹² СВ – стереовизор, аппарат для приема стереоскопических программ.

– Привет. – Браун, обычно робкий с девушками, внезапно ощутил свободу и спокойствие
– Наталья была до того проста, обаятельна, открыта, что стесняться не получалось.

– Давай на «ты»? – с ходу предложила Стоун.

– Ну конечно!

Дед Антон успокоенно кивнул внуку и вышел на цыпочках из кабинета.

– А можно спросить? – сладко улыбнулась хозяйка китового ранчо.

– Тебе все можно, – рискнул Тимофей.

Девушка кокетливо рассмеялась.

– Ты на каких субмаринах ходил?

– На «энбэшках», на «Аппалузе»… «Орку» водил, «Бронко»…

– «Бронко»? Отлично!

– Так я принят?

– Если пообещаешь наших критиков не обижать! – рассмеялась Наталья. – Давай так…

Учусь я заочно, завтра у нас последний день, получу тест-программы, и все! Учебный центр на Посытской стоит, на самом верху… Найдешь?

– Должен найти.

– Я буду там. Пока!

– Пока…

Чувствуя облегчение и предвкушая маленькое, но путешествие, Браун радостно потер руки. И тут же припомнил старинную примету: если ладонь чешется, это к деньгам. Деньги… Надо будет снять все, что лежит у него на счету. Снять и положить в карман – в ТОЗО принимают только наличные.

Тимофей еще немного подумал и поднялся к себе, на второй этаж. Выдвинул нижний ящик стола-пульта и достал оружейный пояс с двумя кобурами. Расстегнув ремешки, он вынул пару фузиональных однопотоковых бластеров системы Тенина, гордости тульских оружейников. Любовно огладив шероховатые керамические стволы со спиленными мушками, Браун сжал в ладонях рукоятки шестизарядников, отделанные слоновой костью. Глянул на индикаторы – там светились пятерки. Ага… Пара зарядов, значит,нейтрализовалась. Ну, так целый год он не менял картриджи. Поставив регуляторы на импульсный режим, Тимофей вложил бласти обратно в кобуры и надел пояс, ощущая на боках приятную тяжесть оружия. Слава богу, нынче в моде длинные пиджаки, никто не заметит, что он «вооружен и очень опасен».

Браун покачал головой, сам поражаясь своему решению. С другой-то стороны, а что ему остается? Так и терпеть этих гопников? Они же не понимают ничего, кроме насилия. В боевых искусствах он не силён, зато оружие его слушается. Неходить же ему вечно битым! Хватит уже. Больше никто и никогда не посмеет его унизить, а если кто и осмелится – он применит оружие. И будет стрелять на поражение.

На ходу обретая давнюю походку, пружинистую и бесшумную, Тимофей спустился вниз и вышел из дома.

Сгущавшиеся сумерки уже размыли очертания коттеджей.

Центральная улица, зажатая модульными домами, была полна народу. Народ гулял.

Ярко светились витрины распределителей, оттуда то и дело появлялись «жруны» с пластетами пива и чего покрепче, собирались в компании и спешили заняться любимым делом – выпивать и закусывать. Пищеварить и ловить кайф. Кому повезет – займутся любовью, а те, к кому удача повернется задом, завалятся в фантомат, дабы учинить виртуальные оргии с «Мисс Вселенной», «Мисс мира» и прочими «миссками»…

Светились окна домов, кидая блики на крыши атомокаров. В разных тональностях гудели сигналы – машины двигались медленно, низко урча и взрываясь, расталкивая бамперами прохожих, которым мало было тротуаров, им всю улицу подавай – душа, разогретая синтетическим коньяком, простору требовала, размаху. Отовсюду доносился женский смех – и вовсе

не визгливый, как любят писать сочинители романов о жизни неработающих, а очень даже мелодичный, приятный на слух. Над парком вспыхивали и гасли отсветы гигантских плафонов грезогенератора: красный – синий – зеленый, красный – синий – зеленый... С чьего-то балкона грянула застольная песня, на лавочках у подъезда нарочито громко орали подростки, ожидая, когда же у взрослых прорежется хоть один голос осуждения. Дождались – жиличка сверху разразилась гневной тирадой. Отроки ее не дослушали – радостно, во всю мощь юных глоток, послали тетку так далеко, что та заткнулась. Видимо, искала перевод некоторых, особо энергичных выражений.

А в скверике, где посреди газона было водружено нечто каменно-дырчатое, в духе Генри Мура, дело шло к драке – молодежь, разбившись надвое, кричала и обзывалась, накаляя обстановку.

Тимофей понял так, что некий Славик Ржавый подозревал в измене некую Галку. Она Галка, если верить распаленным сторонникам Ржавого, умудрилась переспать со всеми особыми мужеска полу, прописанными в Мутухэ. Защитники чести и достоинства подозреваемой обвиняли самого Ржавого в порочных наклонностях такого пошиба, по сравнению с коими зоофилия могла показаться невинной детской забавой.

Ага, всё, выяснения отношений кончились, в ход пошли последние доводы – руки и ноги так и замелькали, озвучивая хуки слева и прямые в голову.

Переливчато заливаясь сиреной, к скверику подлетел черно-белый атомокар с надписью «Полиция». Бравые служители закона ринулись через кусты. «А-ах! А-ах!» – донеслись горячие выхлопы биопарализаторов. Накал страстей быстро угасал, разборка теряла имя действия...

Браун зашел в отделение Планетарного банка. Безразличный автомат спросил его:

- Трансфер или нал?
- Нал.
- В евро, амеро, азио?¹³
- Азио.
- Получите...

Банкомат выдвинул лоток – девяносто «азиков». Тимофей небрежно сгреб деньги и расковал их по карманам. На первое время хватит, а там видно будет.

Решив «посидеть на дорожку», Браун зашел в кафеавтомат. За карточным столом играли в покер. Партия была в самом разгаре, и игроки отгоняли приставучего кибер-официанта, а тот все кружил по сложной орбите, изнывая от желания обслужить клиентов.

У стойки бара расположились трое. Один из них был стройным молодым человеком с правильными чертами лица и глубоким шрамом, пересекавшим подбородок. Браун хорошо его запомнил: Шрамолицый шел за ним всю дорогу от банка. С двумя другими Тимофей встречался утром – это были Хлюст и Бес. Все трое принялись шептаться, и Браун без труда догадался, о чем именно – решали, как его сподручнее ограбить. Тем более что Хлюстов с Бес-смертновым успели изрядно нагрузиться синтетическим виски.

Тимофей похолодел, но позыв побыстрее уйти подавил – устроился в уголку, спиной к стене и подозвал кибер-официанта.

- Телятинки с бобами, чтоб с дымком, – заказал он, – и грамм сто натурального коньяка.
- Натуральные продукты – платные, – предупредил кибер.

Браун молча распечатал одну из пачек и расплатился. У него мелькнула мысль, что так он нарочно провоцирует гопников, не скрывая наличные, и пропала. За то лицу стало тепло от прихлынувшей крови – жестокая ярость окатила мозг, пробуждая пугающие инстинкты.

---

¹³ Денежные единицы, соответственно Европейского, Американского и Евразийского Союзов.

Тимофей поразился – его сердце не тарахтело, как обычно, в минуты испуга, а билось ровно и сильно. Пульс даже замедлился, словно приуготовливая тело к испытанию на прочность. Эта троица возжелала войны? Ну так она ее получит. А на войне, как на войне...

Хлюст внезапно рассмеялся. Браун бросил на него пытливый взгляд.

– Я слыхал, ты собрался в ТОЗО, – сказал Васька Хлюстов, глумливо усмехаясь. – Так нам по дороге! Только чего тебе там делать? Слишком уж круто в ТОЗО обходятся с дедушкиными внучатами и маменькиными сыночками!

– Неужели? – негромко отозвался Тимофей. – Тогда вам лучше остьаться.

Бес уставился на него тяжелым взглядом. Он поставил свой стакан на стойку, и нечестивая троица направилась к выходу. У дверей Хлюст что-то сказал своим дружкам; те громко заржали.

С аппетитом поев и отметив свое отбытие, Тимофей задумался, припоминая расположение зданий на прилегающих к кафе улицах. Затем встал и вышел за дверь, продолжая действовать с холодной настойчивостью.

Ступив на тротуар, он сразу же приметил, что на стоянке, за белым квадратным атомокаром, кто-то стоит. Завидев Брауна, человек на стоянке глубоко затянулся сигаретой, огонек которой ярко вспыхнул во тьме. «Сигналишь? Ну сигналь, сигналь...»

Огонек сигареты могли увидеть только из двух укромных мест, где гопники, наверное, и устроили засаду: либо из узкого проулка между бесплатной столовой и магазином-распределителем, либо от начала аллеи. Надо полагать, ему преградили путь и там и там. Скорее всего, один из грабителей караулил у распределителя, а другой – у входа в парк. Вероятно, кто-то из них попросит закурить или спросит, как пройти в библиотеку, а тут и остальные подоспевают...

Сделав вид, будто вспомнил нечто важное, Тимофей вернулся в кафе-автомат. Ловя на себе изумленные взгляды посетителей, он быстро пересек зал, словно направлялся в пост управления кафе. Затем прошел по узкому коридору, ведущему к выходу на задний двор, куда грузовики-автоматы подвозили продукты.

Браун осторожно пробрался к зданию распределителя. Заглянув в узкий проулок между домами, он заметил темные очертания человеческой фигуры. Кто не спрятался, я не виноват...

Подкравшись сзади к незнакомцу, Тимофей дружелюбно осведомился:

– Кого ждем?

«Шрамолицый», а это был он, вздрогнул и резко обернулся, потянувшись к карману. Браун размахнулся и, содрогаясь от наслаждения, нанес ему сокрушительный удар в челюсть. «Шрамолицего» отбросило к стене, Тимофей тотчас добавил – врезал левой в подбородок. Парень сразу же обмяк и сполз наземь.

Браун даже подивился – первый раз в жизни ему удалось нокаутировать, обычно такое удавалось его противникам... Перешагнув через Шрамолицего, Браун притаился за углом магазина-распределителя. Нервным движением вытер о штаны вспотевшие ладони.

Тем временем курильщик, услышав звуки борьбы, сообразил: что-то произошло, и направился в сторону Тимофея.

– Эй, Кот, что там у тебя? – негромко окликнул он приятеля, и Браун по голосу узнал Беса.

– «И бес, посрамлен бе, плакаси горько», – процитировал он, выходя из-за угла.

Бес откинулся на полу пиджака и потянулся за бластом, сунутым в кобуру под мышкой – «Закон о военной технике» гопники не чтили. Тимофей мог легко опередить Беса, но проклятые принципы мешали выстрелить первым.

Между тем Хлюст, самый опытный из троицы, уже понял, что план провален, и, выбравшись из кустов, направился к распределителю. Узрев Тимофея, он, как и Бес, дернулся за оружием – и выстрелил. Поторопился Василий – заряд ушёл в сторону, прожигая дверцу атомокара. А Брауну словно отмашку дали – теперь можно!

Ни один из гопников не уловил того молниеносного движения, каким Тимофей выхватил бластер. Прогремели выстрелы. Первый заряд получил Хлюст, самый опасный из противников. Импульс угодил ему чуть выше начищенной до блеска пряжки и прожег дыру до позвоночника.

Второй выстрел раздался почти одновременно с первым – и Бес, покачнувшись, тяжело опустился на колени. Он даже успел выстрелить – из старого пулевого пистолета, но увесистый кусочек металла лишь чиркнул по стене распределителя. Импульс пробил гопнику грудь, но не слева, где сердце, а справа.

Захрипев, Бес повторно нажал на курок – пуля ударила о тротуар и мерзко взвизгнула. Вторая расплющилась об стену, выбивая крошево пластолита.

Браун шагнул навстречу, поднимая бластер. Два заряда, выпущенные один за другим, перебили гопнику руку.

Выронив оружие, Бес распластался на плитках тротуара.

Оглушенный, опустошенный, Тимофей сунул бластер на место и кинулся прочь.

И только у самого коттеджа его догнало понимание случившегося. Он убил. Убил двоих. Было страшно и очень противно, но и злая радость проступала: он отомстил! И больше никому, никогда и нигде не позволит себя задеть даже словом.

Тут его вывернуло наизнанку. Браун отплевался, отышался и двинулся на ослабевших ногах к дому.

Деда Антона он встретил в холле.

– Что случилось, Тима? – встревожился дед. – На тебе лица нет…

– Меня пытались ограбить и убить, – признался внук, с болью следя за тем, как у старого вытягивается лицо. – Я их опередил и прикончил двоих… Все было по-честному, дед! Прощай…

Дед встрепенулся и ухватил Тимофея за рукав.

– Куда ты?

– Попробую на «энбэшке» уйти в море…

Антон Иванович затряс головой:

– Не вздумай! Береговая Охрана мигом задержит тебя. Бери мой птер и лети к Наталье!

Поколебавшись, Браун направился к лестнице, ведущей на крышу. Задержавшись у двери, он перевесился через перила и сказал:

– Все-таки ты самый лучший в мире дед!

Антон Иванович ничего не ответил, только поднял голову повыше, чтобы слезы не текли, улыбнулся жалко и помахал внуку рукой.

Глава 2. Ночные полеты

Птерокар «Халзан» был двукрылым махолетом старой постройки и не слишком удачной конструкции – он брал на борт четвертых человек или двоих с солидным грузом, летел неторопливо, поднимался невысоко. Поэтому в той же Службе Охраны правопорядка предпочитали вместительные и быстрые «грифы».

Правда, «Халзан» был машиной вёрткой и мог сесть на любой пятак, за что его любили туристы и устроители пикников.

Тимофей скривился: ему ли капризничать! Да и поди разбери, что выгоднее для беглеца – лететь побыстрее или иметь шанс в любой момент спикировать и юркнуть под деревья, сквозануть в расщелину между скал, в общем, затаиться, притворяясь дохлой птичкой...

В кабине птерокара было темно, только подсветка приборов бросала блики на лицо Брауна, тускло отражаясь от прозрачного колпака-фонаря. Тонкий слой стеклобиолита отделял кабину от мятущейся тьмы. Тимофей откинулся на спинку и закрыл глаза.

Он – убийца... С этой ужасной, тошнотворной истиной он уже как-то смирился. Как-то... А как? Как теперь жить, всё время помня, зная, что ты убил человека? Двоих!

Ранее он полагал, что наиболее ужасное сосредотачивается в самом акте причинения смерти. В совершении убийства. Оказывается, нет. Весь страх – в непоправимости содеянного. Убить легко, оживить мертвеца – невозможно. Раскаивайся, посыпай голову пеплом, да хоть колотись ею об стенку – всё бесполезно, ибо в силу вступает пугающее слово «никогда», символ безысходности и необратимости. *Nevermore*¹⁴.

Губы Брауна искривились, задрожали. Он до боли сожмурил веки, одолевая приступ слабости. Поздно плакать. Эти его выстрелы словно привели в действие некий мировой механизм воздаяния – как будто неявные ворота захлопнулись с неслышным грохотом, отсекая прошлое. Навсегда. Окончательно и бесповоротно. Ему никогда, никогда больше не вернуться к прежней жизни, никогда уже не стать прежним Тимом Брауном. *Nevermore*!

И что теперь? А что теперь? Он совершил преступление. Судья назначит ему принудительное глубокое ментоскопирование. Прокурор предъявит суду присяжных чёткие доказательства, добытые «с применением интрапсихической техники», обвиняя «гражданина Брауна» в двойном убийстве, и адвокат только разведет руками. «Виновен!» – вынесут вердикт присяжные заседатели, и судья назначит наказание: вживить Т. Брауну мозгодатчик и приговорить к физическому удалению. Сошлют его лет на десять куда-нибудь на солнечный Меркурий, и всего делов...

«Десять лет!» – ужаснулся Тимофей. Долгих десять лет... Ни за что!

– Только бы не поймали... – прошептал Браун, оцепенело таращась в ночь. – Только бы уйти...

Он же хотел вернуться в ТОЗО? Хотел. А нынче придется там скрываться... Ну и пусть. Лишь бы скрыться...

«Халзан» летел, плавно покачиваясь. Ритмично машущие крылья были невидимы, только светлые тяги мелькали снаружи, передавая глазам Тимофея слабое мельтешенье, а ушам – размеренный скрипучий шелест. Птерокар мчался сквозь ночь, незримый и бесшумный, как ночная птица... Ага, если бы!

Впереди то и дело вспыхивали зеленые кольца телефонов, указывая верный путь, а по сторонам очерчивались треугольники, горящие рубиновым и обозначающие близкие сопки. Когда птер снижался слишком низко, впереди начинал мигать синий крест.

---

¹⁴ Nevermore (англ.) – Никогда! (Так каркнул знаменитый ворон в стихотворении Эдгара По.)

Телефоры торили «Халзану» безопасную воздушную дорогу – и любому дураку, вышедшему покурить и глянувшему на небо с балкона, становилось ясно: летательный аппарат проследовал. Это нервировало Брауна, но делать было нечего. Лететь наобум, пока не втемяшишься в горный склон? Или подняться на безопасную высоту – и засветиться на экранах Центральной диспетчерской?

Южнее горы опали, расстелились степью. Теперь один-единственный Северный фривей, вившийся под брюхом птерокара, разветвился целой системой ярко освещенных дорог, сбегавшихся и разбегавшихся внизу, перекрецивавшихся на разной высоте и сплетавшихся в подземные узлы. Тысячи фар добавляли слепящее сияние к свету фонарей – каплевидные легковушки мчались по фривеям, обгоняя солидные электробусы, похожие на обтекаемые аквариумы, подсвеченные голубым; по отдельным полосам неслись грузовики-автоматы без кабин, с прорезями визиров на тупорылых капотах. Они мчались почти впритык, походя на вагоны бесконечного поезда.

В небесах тоже становилось тесновато – красные световые столбы то и дело предупреждали о пролетавших мимо вертолетах и птерокарах. Кольца телефонов множились, уходя вдаль рисованными коридорами из обручей, словно отражения меж двух зеркал, а навигационные маячки разгорались и гасли под брюшками «Халзанов», «Птеранодонов», «Грифов», «Анатр», «Алуэттов» и прочей крылатой и винтокрылой техники.

Именно теперь, когда птер затерялся в феерии огней земных и небесных, на Брауна сошло успокоение. Он больше не уговаривал себя в собственной невиновности, не убеждал трясущуюся и скулящую совесть, что имела место самозащита. Совесть заявляла протесты – дескать, мог бы и удратить, зачем же обязательно убивать? Крыть было нечем, и Тимофей начал злиться, выкладывая главный аргумент – в него-то ведь стреляли не холостыми! Почему же он должен был беречь драгоценные жизни этих отморозков, коли они готовились причинить смерть? Разве это справедливо?

Браун криво усмехнулся, едва различая свое смутное отражение. Куколка-имаго созрела и лопнула по швам, выпуская на волю точно такого же Тиму Брауна, но только с виду. Внутри Тима Браун стал иным – в нем выкирстализовались зачатки твердости и уверенности в себе, безжалостности и жестокости, всех тех качеств, кои «на берегу» были подавлены (вернее, придавлены) воспитанием, а в ТОЗО являлись первейшими условиями для выживания и достойной жизни. Благодарить ли за это гопников и Марину или проклинать?

Неожиданно птерокар дернулся, и на пульте тут же вспыхнуло табло «Принудительная посадка». Тимофей похолодел, крутанулся на сиденье. В ночи проплыл полицейский вертолет, мигая проблесковым маячком. Его лаковые борта отблескивали в зареве над шоссе. Хрупкое спокойствие беглеца рассыпалось вмиг.

Браун подергал рычаг управления, но тот был заблокирован.

– Не дождитесь! – прошипел он, доставая бластер из кобуры.

Протиснувшись под пульт, Тимофей ударом рукоятки сбил панель. Вот он, блок безопасности, красным огонечком мигает. И не выдерешь его… Недолго думая, Браун приставил к блоку дуло бластера и выстрелил в экономичном режиме – блочок разбрзгало, шарики расплата со скворчанием забегали по полу кабины. И что теперь?

Крылья птерокара замерли, как при планировании, и машина плавно пошла на снижение.

Тимофею хотелось орать от ужаса, но некогда было. Почти не дыша, на ощупь, он сращивал псевдонервы, завязывая их узелками. Иногда он путал белые скользкие нити, и тогда зеленоватое сияние, подсвечивающее главный нервный ствол, начинало мигать.

– Превосходно… – хрюпел он, затрудненно дыша. – Просто превосходно…

Спиною Браун почувствовал, что рычаг управления поддался. Вывинтившись из узости, Тимофей ухватился за рычаг в полуприседе, легонько разворачивая птер в сторону Владивостока. До земли оставалось метров двадцать… Успел! Отпыхиваясь, словно после долгого

забега, Браун устроился на сиденье. Откуда то сверху спланировал тяжелый птерокар с красноголубой мигалкой. Полиция! Нет, мимо... «Быстрее, быстрее...» А куда делся вертолет? Потеряли они его, что ли? Ну и слава богу...

Под крылом темным зеркалом блеснул Амурский залив, и вот море огней огромного города разгорелось внизу. Тимофей облегченно выдохнул – спасен! В толчее он сразу затеряется – летательные аппараты шли в несколько горизонтов. Тельца вертолетов были словно подвешены к сквозистым, по стрекозиному взblesкивавшим кругам лопастей, черные силуэты птеробусов походили на летучих мышей, зловещими тенями проскальзываая на фоне полной луны.

Одиннадцатый час, но не было похоже, что город готовился ко сну, – потоки машин проползали по улицам, перетекая по ним сверкающими разноцветными каплями. Сквозистые стены домов изливали сияние, превращая ночь в день, матово светились полупрозрачные крыши, смутно выделяя черные пятна геликоптеров, из-за лопастей похожих на кляксы.

Тимофей заозирался. Вон блестит Золотой Рог, перепоясанный двумя мостами, похожими на странные арфы, вон современные дома-призмы, дома-пирамиды, дома-кубы, похожие на сростки светоносных кристаллов, уступают место старинным постройкам еще имперских и советских времен. Кирпичная и бетонная старина спускается уступами к развеселой Светланской.

Браун направил птер вдоль главной улицы города, одолел перекресток с Алеутской и завис над тихой Посытской. Пискнул киберштурман, мигнула экранкарта. Ага, вот она, школа переподготовки!

На крыше учебного корпуса стоял лишь один вертолет, понуро лопасти повесив, и «Халзан» осторожно пристроился рядом. Шасси упруго просело, качнулось пару раз и замерло. Жесткие крылья с треском сложились, прижались к покатым бокам, фонарь откинулся вверх. Приехали.

Тимофей упруго выпрыгнул на крышу и поежился – с моря задувало, было сыро и зябко. Браун осторожно спустился на второй этаж школы, но опаска оказалась ни к чему – он не шагнул в темноту и гулкую тишину.

В школе было светло и шумно – курсанты из неработающих галдели так, словно вернулись в детство, ко временам уроков и переменок. Тимофей мигом затерялся в их толпе. Сперва он напрягся, но вскоре расслабился – рядом с ним жизнерадостно толкались вполне нормальные парни и довольно симпатичные девушки. И разговоры они вели вовсе не о шмотках «от кутюр» или о том, какой вертолет лучше – «Анатра» или «Алуэтт»:

- Лёха, ты где бродил столько? У нас отчёт-экзамен по океанографии был!
- Да я в мастерских задержался. Вован опять взрывные цилиндры перепутал, представляешь? Я завожу, а мотор – чих-пых, чих-пых, – и всё на этом...
- Ритка! Ты в буфет?
- Взять тебе?
- Котлету! И к чаю чего-нибудь...
- Андрей Евгеньевич, а практика скоро? Надоела эта виртуалка, хочется вживую субмарину поводить!
- А ты матчасть всю освоил, Еловский?
- Ну-у... Почти.
- Вот потому и судовождение – почти. Рано тебе еще в море.
- Смирись, Ёлка! Пошли, отбой...
- Детское время!

Именно здесь, в чистеньких и строгих аудиториях учебного центра, Тимофей по-иному взглянул на вялотекущую классовую борьбу между работниками и неработающими. Он впервые подверг сомнению козырный довод арбайтеров: «Не нравится сидеть на пособии от Фонда

изобилия? Идите к нам! Поступайте в вузы, получайте дипломы, устраивайтесь на работу – и расписывайтесь за аванс и получку!»

Не все так просто, ибо есть меж людьми древнее противоречие, портящее настроение и жизнь. Это противоречие в неравенстве способностей. Одного едва к горшку приучили, а он уже умница, отличник, удачник. Вырастет – станет чемпионом, лауреатом, мастером. Выдающимся ученым, заслуженным артистом, талантливым инженером.

А другой – середнячок, тяжелодум, посредственник. Недалекий «маленький человек» даже с дипломом в кармане навсегда останется рядовым работником, он обречен всю жизнь трудиться вдвое больше своих одаренных товарищей, но так и не станет с ними вровень, не добьется даже тени их успеха, даже блеска их наград.

Так в одних душах зачинается чувство превосходства, а другие ощущают неполноценность да собственную ущербность.

Браун фыркнул, насмехаясь над собой, – нашел, когда философию разводить! Или это в нем крутизна заговорила?..

Поглядывая по сторонам, он выбрался на соединительную галерею и перешел на третий этаж плоского кремового корпуса общежития. В «общаге» было куда тише, чем в школе, только играла где-то тихая музыка да звучал девичий смех, перебиваемый добродушным баском.

Тимофей прислушался. Нет, это не Стоун смеялась...

Напевая, из двери напротив вышла девушка в простеньком сарафанчике. С интересом глянув на Брауна, она пошла по коридору, нарочно придавая походке вид дефиле.

– Вы не подскажете, где мне найти Наталью Стоун? – тихо спросил ее Тимофей.

Девушка обернулась, похлопала ресницами, потом подняла задумчивый взгляд к потолку и уверенно указала пальчиком:

– Третий модуль слева. Наташка одна.

Отпустив это замечание, девушка озорно улыбнулась.

– Спасибо.

– Не за что...

Браун решительно постучал в дверь третьего модуля слева.

– Ворвитесь! – донесся до него ответ.

Тимофей вошел и аккуратно закрыл за собой дверь. Из комнаты выглянула Наташа и очень удивилась.

– Ты? – сказала она. – Уже? Ой, что это я... Проходи, Тим!

Тим прошел, виновато улыбаясь, и был усажен в скрипучее кресло. Наталья, затянутая в халатик, устроилась прямо на подоконнике.

– Произошли кое-какие события, – затянул Браун, стараясь не бравировать. – В общем, мне надо не просто переселиться в ТОЗО, мне надо туда бежать...

И он выложил всю историю, с самого начала, все свое несвятое житие, «вырезав» из него лишь одну купюру – не стал распространяться о походе на «Аппалуз» и смерти Волина.

Наталья выслушала его внимательно и с сочувствием. Погрустнела, помолчала и сказала:

– Мой отец тоже бежал в ТОЗО. Двоих неработающих хотели маму изнасиловать, батя одного искалечил, другого убил... Родители тогда переехали в Пацифиду – есть такая суверенная территория в ТОЗО. Год спустя родилась я – в батиполисе «Преконтинент-8». Папе с мамой выплатили подъемные, мы на них купили две старых, «бэушных» субмарины, попробовали собрать стадо кашалотов. Тут как раз Стан к нам устроился, Станислас Боровиц, герой войны. Года за два мы собрали небольшое стадо китов. И погнали полсотни в Петропавловск. Сдали кашалотов на китобойный комбинат, а на все вырученные деньги купили еще четыре субмарины. Когда мы вернулись, наша станция уже дрогорала. Кашалотов угнали китокрады, они же и родителей моих... обоих... убили. Осталось нас пятеро – я и четыре смотрителя-китопаса. Станислас сразу собрался и за китокрадами двинул. Месяц пропадал, но я еще за неделю

до его возвращения узнала все новости по ЭсВэ – Стан настиг воров и убийц. Китокрадов было пятеро, троих он застрелил сразу, а парочке, что осталась, кровь пустил на икрах и свесил за борт. Их долго ели мелкие акулы… – Наташа встрепенулась и сказала: – Ладно, возвращаться в прошлое – плохая примета. Ты как сюда добирался?

– У меня птер.

– Отлично! – сказала Стоун деловито. – Слушай. Сегодня в четыре утра нам надо сесть на стратолет. Это грузопассажирский, рейс «Владивосток – НовоАрхангельск». Надо будет устроиться на нем вместе с птером, и нас сбросят точно над «Моаной-2»!

– «Моана-2»? Это ваш СПО?

– Общий, – поправила его Наталья. – На нем три станции, одну занимает команда с «Летящей Эн». «Летящая Эн» – это наше клеймо. На других станциях – соседи с ранчо «Тире-20» и «Бокс-Аш», они тоже пасут кашалотов.

– Это-то понятно… – продолжал сомневаться Браун. – А регистратуру мы как пройдем?

– Через грузовой терминал, – усмехнулась девушка. – Ген-регистраторы тут работают по принципу полупроводника – из ТОЗО сюда не впускают, а отсюда туда – свободно! Давай так – ты ложись спать, вон диван, я думаю – поместишься, а я сбегаю к преподу, возьму тест-программы.

– Извини, – сказал Тимофей покаянно, – я нарушил все твои планы…

– Пустяки, – ласково улыбнулась девушка. – Я же учусь заочно. Сессия кончилась, а когда улетать, днем позже или раньше – какая разница? Ложись, подниму в три!

Пройдя к стенному шкафу, она достала с полки блестящий черный комбинезон и сказала отрывисто:

– Отвернись!

Браун послушно исполнил приказ, но не сразу, успев разглядеть гибкую спину и узенькую талию, круто расходящуюся в роскошную попу. «Как сердечко перевернутое…» – мелькнуло у него. Тут он поймал смеющийся взгляд Наташи, брошенный на него «рикошетом» в зеркале, и мигом отвел глаза.

– Ну, я пошла! – сказала девушка, оглаживая ладонями обтягивающий комбез и придирчиво рассматривая свое отражение.

Выходя за дверь, Наташа помахала Тимофею пальчиками и пошла, удаляясь по коридору.

Браун невольно залился походкой девушки. У Мариной Рожковой красота яркая, глянцевая, в ней совмещаются детский наив-наигрыш и порочность напоказ. Рожкова пленяет «с холодной дерзостью лица», соблазняет с равнодушием богини-девственницы, но она очень страстная, любит, чтобы сильный мужчина подчинял ее и властвовал над нею.

Наташа иная. С виду она простая и открытая, не стремится обаять и влюбить. Похоже, даже смущается того, что привлекательна. У Мариной – нарочитая слабость, изнеженность – все, чтобы завлечь «мачо» в «медовую ловушку». У Наташи – опасная женская сила, бьющая через край энергетика, гибкость, строгое изящество и простодушное обаяние. Но влечет его к Марине…

Взлетел «Халзан» ровно в три часа ночи. Тимофей испытывал лишь одно переполнявшее его хотение – принять горизонтальное положение и закрыть глаза.

Сонно помаргивая, глядел он на притухшие огни Владивостока, на полупустые улицы с мигавшими световыми столбами на перекрестках, на редкие вертолеты, плывущие в темноте, подобно светлячкам.

– На-ка, – сказала Наталья заботливо, протягивая Тимофею пилюльку спорамина¹⁵, – выпей, а то еще заснешь на высоте птичьего полета.

---

¹⁵ Спорамин – лекарство, выключающее сон.

Браун выпил. Минут через пять – как раз миновали Вторую Речку – Тимофей окончательно стряхнул с себя липкую паутину сна. Вздорился.

Когда они уже подлетали к международному аэропорту, Стоун забеспокоилась.

– Спустись пониже, – попросила она.

Тимофей снизился, повел птер по-над дорогой. Впереди, за темными рощами, плясали голубые лучи прожекторов, выхватывая из темноты громадные конусы ионолетов.

– Полиции опасаешься? – тихо спросил Браун.

– Боюсь, – ответила девушка. – Они наш птер могут перехватить на подлете...

– На подлете... – механически повторил Тимофей.

Он опустил взгляд к дороге. Полотно фривея было почти пусто, только по выделенной полосе шли грузовики-автоматы.

– А если мы не подлетим, – сказал Браун, – а подъедем?

– Как это? – не поняла Наталья.

– Сейчас я...

Минутой позже от трассы вильнул в сторону съезд, уводящий к аэропорту. Туда же свернуло два или три автомата.

Тимофей выбрал самый большой грузовик, на пяти шасси, и полетел над ним, держась над вторым кузовом. Скорости сравнялись.

– Осторожно только! – сказала девушка, догадавшись, какой трюк собрался проделать Браун.

Не отвечая, Тимофей медленно пошел на снижение, одновременно выпуская шасси – четыре суставчатых «лапы»-опоры выдвинулись, разогнувшись наполовину. Птерокар шатало и качало, но вот шасси коснулось яркой пластмассовой крыши кузова, укрепилось, и крылья тут же сложились.

– Ой! – вскрикнула Наташа, цепляясь за сиденье.

– Держись!

Кабина птерокара раскачивалась, переваливаясь с боку на бок, клевала носом и откидывалась назад, но шасси держалось крепко. Браун сгорбился на месте пилота, напрягаясь и сжимая рычаг. В любую секунду он был готов резко дернуть его на себя – и поднять птерокар в воздух.

Смотреть наружу не хотелось – весь видимый мир пьяно шатался, то вскидываясь, то опадая.

– Замечательно...

– Сворачиваем... – слабым голосом сказала Наталья. – Здесь нас уже не задержат. Не должны...

Грузовик-автомат плавно развернулся на спиральном спуске и въехал в громадные ворота грузового терминала – птеру даже не пришлось приседать. Заклокотав мощными моторами, машина поднялась по пандусу и оказалась на взлетном поле.

С громадным облегчением Браун потянул рычаг на себя – птер с треском распахнул крылья и слетел с примятого кузова, поплыл над самым металлопластом стартовых площадок.

– Куда? – негромко спросил Тимофей.

Наталья привстала, заоглядывалась и вытянула руку.

– Вон наш!

Птерокар потянул над самой землей к огромному треугольному кораблю, пластавшему короткие крылья и задиравшему кверху пару острых килей.

Остальное доделала Наталья. Быстро договорившись с пилотами, она махнула рукой Брауну, и тот завел птерокар, шканьбавший на опорах, под необъятное днище стратолета. Вверху разошлись створки люка грузового отсека, и пара мощных манипуляторов подхватила «Халлан».

– Стой! Стой! – завопила Стоун.

Подбежав, она забралась в кабину. Тимофей рассмеялся. Наталья прыснула в кулачок и тоже расхохоталась, снимая напряжение и тревоги.

Манипуляторы сноровисто подняли птерокар, втянули его в отсек, и люк закрылся.

– Все, – скомандовала девушки, – спим!

Тимофей Браун, сильно сомневаясь, что спорамин позволит ему хотя бы задремать, опустил спинку сиденья и закрыл глаза. И уснул.

Глава 3. Ранчо «Летящее Эн»

Тимофей Браун летел и чувствовал себя не то яйцом в утке, не то авиабомбой.

– Долго нам еще? – спросила Наталья, зябко потирая ладони. – Как ты думаешь?

– Смотря докуда. По моим прикидкам, Камчатку мы уже миновали…

В этот момент интерком ожил, солидно прокашлялся и обронил короткое:

– Сброс!

«Уже?!» – хотел воскликнуть Браун, но вопрос застрял у него в горле – створки люка внизу растворились, и манипуляторы выпустили птерокар в небо над Беринговым морем. Яркая лазурь и бешено несущиеся складки волн были как удар, они вышибли все мысли. Мутный горизонт встал дыбом, опрокидывая небеса.

– Ой, мамочки! – взвизгнула Стоун.

Тимофей судорожно сжал рычаг. Жесткие крылья с треском разложились, а с пульта донеслось:

– Крен, тангаж, рысканье – в норме.

Только тут Браун сделал выдох.

– Превосходно…

Круг зrimого мира занял свое законное место – серо-зеленый низ, подернутый белыми стрелками баращков, индиговый верх, тронутый туманностью облачков.

– Кошмар какой-то, – сердито проговорила Наташа, смущаясь своего испуга.

– Всё хорошо! – весело сказал Тимофей.

Стратоплана уже не было видно, зато впереди и слева очертился большой овал, неколебимо покоящийся среди гофрированной обливной зелени – так сверху виделись бесконечные морские волны.

– Вовремя нас сбросили, – заметила девушка, успокаиваясь. – Нам сюда – это «Моана-2»!

Подлетев поближе, Браун обнаружил, что овал вовсе не овал, а правильный круг, с наветренной стороны окаймленный белой скобкой прибоя. Это и был СПО – стационарный плавучий остров, в просторечии океанцев – «плот».

«Плот» был расчерчен кругами и шестиугольниками посадочных площадок, а посередке, словно отмечая диаметр, от края до края тянулась взлетная полоса. Нормальная такая полосочка – межконтинентальный интерлейнер сядет только так. Здания – куполки, цилиндрики, кубики – гляделись сверху тремя кучками, тремя деревушками, тремя станциями, раскиданными по плавучему острову.

– Делим «плот» между тремя ранчо! – крикнула Наташа. – На станции Обход заправляют ребята с «Бокс-Аш», а в Си-Медоуз прописались другие соседи, с «Тире-20»¹⁶. У нас – «Стандард-Айленд»! Видишь, где зелено? Это Боровица «огород»! Говорит, к земле потянуло…

Тимофей заложил изящный выражение и повел птер на посадку.

Зеленый квадрат с большой буквой «Р» приблизился маxом, слегка качаясь и кружась. Птерокар выпустил суставчатые лапы шасси, сделал мощный взмах и сел, неуклюже пройдясь и складывая плоскости. Прилетели…

Посадочная площадка находилась на окраине станции «Стандард-Айленд», как известно потрапанное ветрами табло. Здесь росла самая настоящая сосна, правда, в единственном числе. Она косо поднималась из огромного ящика с песком и раскидывала потрапанную крону,

---

¹⁶ Буквы английского алфавита (Кей-Ар, Эл-Эйч, Летящее Эн), цифры и значки (Тире-20) обозначали клеймо, которое использовали владельцы скотоводческого хозяйства. Часто клеймо давало название всему ранчу.

похожую на рваный флаг, а дальше рядами и шеренгами выстраивались открытые парники, зеленея лучком, укропом и прочими радостями огородника.

Склонившись над одним из парников, стоял пожилой мужчина, загорелый, обветренный, просоленный. На смуглом лице его выделялись седые усы. Брови оставались черными, разве что выгорели, отдавая в рыжину, а ежик волос на голове цветом своим походил на смесь соли и перца.

Седоусый бурчал что-то о «мальках», которым лень свеклу проредить, а вот как поесть, так тут они маху не дадут…

— Это и есть Станислас Боровиц, — скороговоркой, подаввшись к Брауну, сказала Наталья, — к нему надо привыкнуть. Стан не приемлет тишины и безлюдья — когда у него хорошее настроение, он поет, когда плохое — бранится. Может в одиночку наброситься на целую банду, а вот свою жену Ханичэйл реально побаивается. Тетя Хани у нас всем хозяйством заведует. Они со Станом вечно ругаются, но не по злобе, они оба добрые, сам увидишь… Привет, Стан!

Боровиц, кряхтя, разогнулся и ухмыльнулся.

— Почтение, барышня, — громко сказал он, — и добрый день! А это еще что за интель? «На берегу» нашла?

— Это новая рабсила, Стан, — ответила Наталья — строго, но в той же манере. — Пока возьмем младшим смотрителем. — Обернувшись к Брауну, она добавила казённым голосом, будто скрывая возникшие — или возникающие? — отношения: — Будешь получать тридцать азио в месяц, как везде. Питание и боеприпасы за счет ранcho. Идёт?

— Идёт, — согласился младший смотритель.

Боровиц отряхнул пучок редиски и спросил с изумлением:

— Зачем нам интель?

Тимофей почувствовал себя уничтоженным и неловко переступил с ноги на ногу. Наталья пожала плечами и сказала:

— Я беру его на время перегона.

— Совершенно не понимаю, зачем нам интель, — брюзжал Станислас.

Наталья глянула на него, и Боровиц махнул рукой:

— Ну хорошо, хорошо… Лишние руки не помешают. — Обернувшись к «интелю», он поинтересовался: — Звать как?

— Тимофей Браун.

— И откуда ты, Тимофей Браун?

— Из Евразии… Из Сихали.

— Как-как? Сихали? А-а… Сихотэ-Алинь! Бывал, бывал в ваших пенатах… Ну а я Станислас. Главный смотритель, он же сегундо¹⁷. Не халям-балям. Понял?

— Ага. В смысле, да, Станислас.

— Да просто Стан.

— Ага…

Наталья успокоенно оглядела обоих и сказала:

— Ну ладно, Стан, я пойду. Поработаешь наставником молодежи, мм?

— Да куда ж от вас деваться… — продолжал сегундо ворчать. — Наприводят кого попало, а ты с ними нянькайся… Слушаюсь, Наталья. Наставлю твоего Тимку по полной программе!

Стоун послала Боровицу воздушный поцелуй и ускакала.

— Салат любишь? — обратился Станислас к Тимофею.

— К-какой? — Брауну было как-то неуютно.

— Салатный. С лучком, с огуречиками… С майонезиком. Как ты к нему относишься?

---

¹⁷ Сегундо — от исп. «второй». Так называли управляющих на скотоводческих ранчо, вторых после самого хозяина-ранчero.

– Положительно, – ответил «интель» тихим голосом.

– Тогда еще зелепушечки нарвем...

Сегундо добавил хороший пучок зелени к уже собранной и передал весь урожай Тимофею.

– Тащи, – велел он. – Мне руки свободными нужны, чтобы достопримечательности показывать... Пошли. – Оглянувшись, Боровиц достал из нагрудного кармана плоскую фляжку с зеркальными боками и хорошенько к ней приложился. – Ух! – крякнул он довольно, утирая усы. – Что глядишь, Сихали? Мы из железа деланы и на спирту настоящи! Хе-хе... Видал, какая фляжечка? Она мне один раз жизнь спасла. Не веришь? П-ф-ф! Думаешь, зеркало это? Никак нет. Мезовещество! Фотонный привод, не халям-балям. Через каждые сто астроединиц полёта отражатели фотонных кораблей меняют, и мне ребята вырезали кусочек, смастерили эту фляжечку. Тут два слоя мезовещества, плазма от него отскакивает только так... Ханька моя, как увидала у меня этот сосудик, тут же завелась! А потом случилась заварушка на Тайти-2, и в меня из бласта попали – прямо в сердце! А у сердца – фляжечка... Импульс отразила, и я того стрелка доконал. Ханька как увидела прожог, сразу давай орать: «Скотина! Новая ж куртка совсем!» А когда дотумкала, от чего та дырка, сомлела, еле поймать успел, не то грохнулась бы... И слова больше про фляжку не сказала! – Прочистив горло, Станислас запел довольно-таки приятным баритоном: – Ой, моро-оз, моро-о-оз, не моро-озъ меня-я! Не морозъ меня-а-а, мо-оего-о ко-оня-я!.. – и сразу перешел от вокала к речевому жанру: – Чего стоим, китовый подпасок? Вперёд!

Тимофей, чувствуя себя дураком с охапкой «зелепушечки» в руках, двинулся по направлению к Стандард-Айленду.

За парниками обнаружились теплицы, а за теплицами открывалась главная улица станции, зажатая усеченными кубами и параллелепипедами, полусферами и полуцилиндрами. Во всех этих геометрических телах имелись тамбуры и много круглых иллюминаторов. Справа, ближе к краю СПО, за домами возвышались две башни – одна круглая, в белую и красную полоску, другая решетчатая.

– Энергоантенна, – показал Боровиц, – и причальная вышка. К ней дирижабли цепляются.

Слева на улицу выступала белая призма здания, похожего на картонную коробку. Вдоль всей стены тянулся яркий навес, а в проеме входа болтались «крылья летучей мыши» – резные дверцы, качавшиеся в обе стороны, – точь-в-точь, как в салунах на Диком Западе. Из дверей доносились звуки ненастроенной хориолы, слышалась громкая речь и жизнерадостный хохот.

– Салун «Бон-тон», – ткнул пальцем в заведение сегундо. – Запомни это место, Сихали! Здесь пекут такие пончики, что китопасы за сто миль их чуют и гребут на самом полном. А тут у нас как бы медицинский центр...

Браун посмотрел на крутой белый купол, отмеченный красным крестом. У тамбура давал тень большой зонт, в тени на шезлонге расположилась девица в белом халате и напропалую кокетничала с парнем такой ширины, что в его комбезе легко разместилось бы двое Тимофеев. Младший смотритель сразу узнал врачанию – и покраснел, как первоклассник, случайно увидевший старшую сестру в душе.

– Скучет наша Маринка, – фыркнул Боровиц. – Никак мы не захвораем... Вечером только прилетела, в отпуске была, и... Видал, какой негабарит вокруг нее вьется? Ну, куда такому болеть? Его и убить-то трудно, не то что заразить...

Тут Марина заметила новоприбывших и закричала:

– Станислас!

Вскочив и оправив короткий халатик, она подошла поближе. «Негабарит» хмурился недовольно, зыркая на Тимофея злыми медвежьими глазками, и тому сразу поплохело.

– Приветики! – пропела Рожкова, радостно улыбаясь. Девушка умудрялась смотреть на Брауна, поглядывать на секунду и не упускать из виду «негабаритного» добра молодца. – Новый кадр, да?

– Так точно, – сказал Боровиц по армейской привычке. – Можешь не смотреть так – для опытов я Тимку не отдаю. И вообще, он у нас временно.

Заслышав последнее слово, добер молодец радостно воссиял.

– Временно или постоянно – это неважно, – строго сказала Марина. – Все равно надо проверить. А вдруг Тима болен? Пойдем!

Врачина ухватилась за младшего смотрителя и потащила его в медцентр.

– Подожди, – неловко сказал Браун, – тут зелень…

Станислас забрал у него урожай и сказал, подпустив в голос печали:

– Прощай, амиго!¹⁸

– Мы скоро, – пообещала Марина и уволосила Тимофея в недра медцентра.

В недрах было тихо и пусто. Под потолком висел многоглазый киберхирург. Увидев Марину, он жаждуще распустил членистые щупальца, но врачина отмахнулась, и кибер разочарованно скрутил конечности.

– И давно ты здесь? – спросил Браун, лишь бы что-то сказать. Он испытывал неловкость и вожделение одновременно, толком не понимая, что же в нем доминирует.

– Год уже, – заулыбалась Рожкова.

– Да? А ты не говорила, что у китопасов работаешь…

– А ты и не спрашивал. Тебя больше моя грудь интересовала.

– Она меня и сейчас интересует…

Марина погрозила ему пальчиком.

– Вот, – сказала она, подводя Тимофея к объемистому «саркофагу», – это такой стационарный диагностер. Укладывайся!

– Раздеваться?

– Обойдешься, – улыбнулась Марина. – Рубашку только сними.

Браун исполнил приказ и залез в диагностер. Осторожно коснулся спиной гладкого дна, опасаясь неприятного холода, но покрытие было теплым и мягким. Хоть спи в этом «саркофаге».

– Что, не хватает пациентов? – решил спросить Тимофей – голос его прозвучал глухо, как из бочки.

– Да где ж их тут взять? – охотно откликнулась врачина. – Все такие огромные, здоровые… Симпатичные хоть, а то я раньше в санатории работала, в Брайтоне, так там одни старперы! Пройдут курс омоложения и не знают, куда свое либидо девать… Не дыши!

Младший смотритель открыл рот для следующего вопроса и тут же его закрыл, замер, хапнув толику воздуха.

– Всё, можешь дышать!

– Я думал, ты вместе с Айвеном…

Марина фыркнула:

– Мне с Ванькой нечего делить, а постель – тем более. Ты ведь это имел в виду? Ну? Признавайся! Раз! Два! Три!

– Ну-у… В том числе и это.

Рожкова чуток посерезнела и покачала головой.

– Айвен выбрал свой путь, – сказала она. – И светит Айвену дальняя дорога и казенный дом… Он убыл с корифанами куда-то на Восток. Хвастался еще, что «сам» Шорти Канн зовет его «брата»…

---

¹⁸ Амиго (исп.) – друг.

– Шорти Канн?

– Бандюга! Вор и пират. Грабит береговые станции, нападает на плавучие базы, китов крадет... Говорят, на рукоятке его пистолета – шестнадцать зарубок!

– Пижон...

– Кстати, Айвен уже успел отметиться – застрелил кого-то в «Мендосино»¹⁹.

– Понятно... А кто тут, вообще? Наталья мне только про Боровица рассказывала, если ее послушать, так это прямо эпический герой.

– О-о... Станислас – это фигура! Он раньше межпланетником был, на трансмарсианском рейсовике... Или на рейсовом танкере? Точно не скажу. Из космофлота Стана выгнали за пьяницу. Потом Вторая Гражданская его прихватила... Я сама награды видела – у Станисласа и «Освобождение Сибири» есть, и два «Георгия», и Николая Чудотворца орден... Только он демобилизоваться решил, а тут нукеры полезли. Мехти-хан со своими. Всемирный Халифат им подай! И поручик Боровиц опять в строй... Потом демилитаризации, то-се... А как ТОЗО провозгласили, он чуть ли не первым сюда переселился. Китов пасти.

– А кто это так за тобой увивается? Здоровый такой?

– Ревнуешь? – мурлыкнула Марина. – Это старший смотритель. Тугарин-Змей.

– Как-как?

Марина рассмеялась.

– Это Илью Харина так прозвали – Тугарин-Змей. Змей – потому что Илюша все мечтает Великого Морского Змея поймать, а Тугарин... Точно не скажу, вроде был такой богатырь, что ли, или великан. Все, Тима, можешь выбираться.

Браун вылез из диагностера, заинтересованно заглядывая в вырез халатика – Рожкова как раз наклонилась над монитором, и видимость была прекрасная.

– Я сильно болен? – пошутил он, радуясь, что Марина в хорошем настроении.

– Жить будешь! – рассмеялась врачня.

Оторвавшись от монитора, она развернулась, наклоняясь над кубом энергосборника. Теперь младший смотритель любовался ножками докторши – стройными такими, длинными ножищами...

Вздохнув, Марина повернулась и развела руками в притворном огорчении:

– И ты тоже здоров.

– Извини, – брякнул Тимофей, и врачня расхохоталась.

Чуток посеръезнев, но сохраняя на лице улыбку, Марина сказала:

– Это ты меня извини за вчерашнее. Я просто дико разозлилась на тебя, и... И убедилась, что ты не трус. Ведь это ты застрелил Хлюста?

Помолчав, Браун признался:

– Я. Его и Беса.

– Нет, Беса ты только ранил.

– Что-о?! Он живой? А откуда ты?..

– Костя рассказал.

– Костя? Кот? С таким шрамом? – Тимофей показал, с каким.

– Да. Костя сказал так: «Хлюсту выпала черная двойка, а Браун пошел с козыреи...»

Повинуясь неслышному призыву, Тимофей обхватил девушку, срабастал ее длинными костищами руками и прижал к себе. Марина не сопротивлялась. Она сама обняла его за шею и прижалась губами, язычком растворяя пересохшие Тимины губы.

Задыхаясь, Браун перевел одну руку с талии девушки на ее попу, а другую ладонь вмял в пышную грудь. Марина тихо застонала и прошептала:

---

¹⁹ Имеется в виду батиполис «Мендосино», расположенный неподалеку от разлома с тем же названием, к востоку от Гавайских островов.

– Не здесь... И не сейчас.

Схватив Тимофея за руку, она вывела его обратно на улицу и торжественно передала Боровицу.

– Годен!

– Ну, слава богу... – проворчал сегундо.

Рядом с главным смотрителем стояли трое парней. Плоскоголовые дитя тундры под два метра ростом и два шустрых молодых человека, рыжий и светлый. Молодые люди улыбались, как на рекламе зубной нанопасты.

– Знакомьтесь, – сказал Станислас с оттенком нетерпения и хлопнул по груди двухметрового: – Это Арманто, знатный китодой, командир звена субмарин, старший смотритель... и ленивый до ужаса!

Дитя тундры ничуть не обиделось – ухмыльнулось, смежая глаза в щелки, и поправило главного смотрителя:

– Шибко-шибко ленивый, однако!

– Не прикидывайся чукчей.

– А я кто, по-твоему?!

– Тимофей Браун, – не к месту вставил младший смотритель и подал руку.

– Арманто Комович Вукун, – церемонно сказали дитя, сжимая его пятерню так, что косточки хрустнули.

– А это – Рыжий и Белый! – продолжал представление Боровиц.

– Шурики мы, – солидно отрекомендовался рыжеволосый. – Мы не клоуны, сразу предупреждаем. Мы жутко серьезные!

– Я – Шурик Белый, – отрекомендовался светлый. – Фамилии такой.

– А я – Рыжий! – ухмыльнулся его товарищ.

– А то бы он не догадался, – прогудел Илья, он же Тугарин-Змей.

И Браун пожал крепкие руки новых знакомых. Ладони у них были – сплошная мозоль.

Похлопав себя по карманам, Станислас спросил:

– Закурить есть?

Тимофей с готовностью достал пачку сигарет с зеленым биофильтром – сам он не курил, только угощал.

– Не-е, Сихали, – мотнул головой сегундо. – Эту хрень я в рот не беру. В них не табак, а одно название...

Арманто протянул Боровицу кисет, Рыжий поделился кусочком папиросной бумаги.

– О, совсем другое дело! – оживился сегундо, привычным движением скатывая самокрутку. – Тутошний табачок, океанский... – просветил он Брауна. – Водоросли такие в лагунах разводят, в них того никотину... Ну, прямо завались!

Закурив, Станислас сощурился довольно, а китопасы переглянулись и уставились на Тимофея.

– Кха-кхм! – отчетливо прокашлялся Белый и сделал выразительный жест: – Проставиться надо.

– Думаешь? – сощурился сегундо.

– А как же?! – вытаращился на него Рыжий. – Закон суров, но это закон – новенькому полагается угостить... Нет, ну ты сам подумай – как ему еще влияться в коллектив?

– Ладно, – ухмыльнулся сегундо. – Закуска за мной.

– А я угощаю! – расплылся в улыбке младший смотритель, радуясь, что народ ему попался хороший.

Всей компанией они ввалились в двухэтажный «Сейвори-салун». На втором этаже располагались номера для постояльцев, к ним вела лестница, стилизованная под корабельный трап, а само питейное заведение помещалось в обширном зале с десятком столиков и барной стойкой.

Посетителей было мало. Четверо парней сидели за столом, покрытым зеленым сукном, и играли в покер, еще двое-трое цедили двойной бурбон. За стойкой бара стоял монументальный детина, похожий на былинного богатыря. Он протирал стаканы.

Китопасы прошли к стойке, сделанной из орехового дерева, и облокотились на нее.

— Логан, — обратился Боровиц к кабатчику, — срочно требуется спрыснуть радость.

— Всем? — деловито осведомился кабатчик.

— А как же! — воскликнул Рыжий.

Логан с привычной ловкостью расставил стаканы и в каждый плеснул виски на два пальца. Следом появилась копченая нерка на кукольных тарелочках и пасифунчики.

— Ну, поехали! — провозгласил Станислас.

И все поехали. Между первой и второй промежуток небольшой… Бог любит троицу… В общем, очень скоро движения Брауна обрели широкую и плавную амплитуду, а хмельная радость подняла ему тонус. Но воспитание брало свое — после третьей он перешел на кофе. Держа в правой руке чашку с крепчайшим настоем по-венски, Тимофей обернулся к залу, привалившись спиной к стойке, и оглядел любителей выпить и закусить. Тех явно прибавилось.

Люди в потрепанных комбезах отоваривались у буфетов-автоматов, выбирая горячительные напитки и немудреную закуску. Это и были те, кого звали океанцами, — китовые пастухи, кибернетисты-снабженцы, операторы перерабатывающих комбинатов, смотрители планктонных плантаций, прозванные фармбоями, наладчики автоматов, диперы-глубоководники, бродяги-бичи, картечники-шулера и прочий люд. Больше всего в поле зрения попадало белых лиц, загорелых и обветренных, много было смуглых латинос и полинезийцев, встречались азиаты. Раздавались голоса на русском, английском, испанском, на терралингве.

И тут Тимофей словно напоролся на тяжелый, немигающий взгляд длиннолицего хомбрे²⁰. Глаза у того были серые, словно выцветшие, и странно смотрелись на широком лице с агрессивно выпяченной челюстью.

Длиннолицый усмехнулся, ощеривая желтые зубы, и встал со стула — лениво, с оттяжечкой, словно нехотя.

— Осторожно, Сихали, не связывайся с ним, — тихо произнес Стан. — Это Заика Вайсс. На прошлой неделе он убил двоих.

— Спасибо, что предупредили, — сказал Браун, делая глоток.

Заика Вайсс воздвигся перед ним, чуть расставив ноги, в очень удобной для стрельбы с бедра позиции.

— Эй, т-ты! — рявкнул он. — Что-то я тебя не з-знаю!

Тимофей глянул на китопасов. Шурики изо всех сил делали вид, что ничего не слышат, так увлечены выпивкой. Один Тугарин-Змей набычился, собираясь развернуться и узнать, кто это там шумит, но серьезный Арманто придержал Илью. И Браун понял, что настал момент истины — каждый мужчина должен сам запрягать своих коней…

Нарочито медленно он повернулся к Заике Вайссу. Внутри было странное чувство холодного спокойствия. Такое Тимофей испытал буквально вчера…

— Конечно, не знаешь, мистер, — сказал он негромко, с трудом перестраиваясь на здешние манеры и «тыканье» человеку, которому не был даже представлен. — Я только сегодня прилетел.

— Н-нет, г-где-то я все-таки в-видел тебя. Взгляд уж оч-чень знакомый.

— Это вряд ли, Вайсс.

— Ч-чего? А откуда т-ты тогда з-знаешь, как меня зовут?

---

²⁰ Хомбрे (исп.) — человек, мужчина.

– Добрые люди подсказали. И добавили, что ты убил двоих на той неделе. – Тимофей помаленьку заводился. – И не доставай меня, Вайсс. Если приспичило кого-нибудь пристрелить, то поищи в другом месте.

Вайсс явно не ожидал такого поворота событий. Он окинул Брауна острым взглядом.

– Да, – негромко сказал младший смотритель. – Я тот, кем ты считаешь себя.

Еще никогда Браун ни с кем так не говорил. Откуда взялась эта холодная уверенность в себе, нарочитая небрежность, которую он видел только в VR²¹-вестернах? Но сыграно вроде неплохо...

Заика Вайсс снова смерил Тимофея взглядом, и в серых выцветших глазах ясно читалось нетерпение.

– Мотал бы ты на бережок, п-пацанчик. Тут таких сосунков на завтрак жрут.

– Ты хочешь жрать, Вайсс?

– Чего?! Ну-ка, переведи, что ты сказал!

– Хочешь сожрать сосунка, Вайсс? Жри. Но если потянемся за бластом, я тебя убью.

Тонкие губы Заики раздвинулись в усмешке:

– Ты – меня, трусишка?

Он откровенно ухмыльнулся и схватился за шестизарядник.

Прежде чем Тимофей успел что-нибудь понять, в его руке злобно прошипел бластер. Раз, другой. Заика Вайсс осел на пол и, уже мертвый, сидел так пару секунд. Потом тихо повалился на бок. В тусклых глазах застыло изумление.

Механически пригубив кофе, Браун подумал, что это выглядит уж слишком картинно. Да и кофе горчил... Все посетители салуна молча глазели на Тимофея.

– Вы видели?! – торжествующе спросил их Рыжий. – Левой рукой! Даже кофе не расплескал!

– Здорово, Сихали, – похвалил Боровиц.

Из толпы вышел чернобородый китопас.

– Сихали? – проговорил он. – Никогда не слышал такого погоняла. Ты хоть знаешь, кого ты убил?

– Брехуна, – коротко ответил Браун.

– Ты убил Кирстена Вайssa, ганфайтера с Таити-2.

– Лучше бы он там и оставался, – отрезал Тимофей и опустил бластер в кобуру.

Как ни странно, но после убийства Заики отношения Брауна с китопасами как-то сразу наладились – эти закаленные, просоленные парни приняли его в свою компанию, будто повязав кровью. Эта спаянная и споенная команда убедилась, что Сихали Браун не трусливой породы.

Незаметно завечерело. Главная улица станции «Стандард-Айленд» ярко осветилась, отовсюду понеслась музыка – в «Гранд-отеле» наяривал скрипкорояль, в салуне «Бон-тон» задавала ритм концертная хориола, а перед входом в кафе-автомат сидели рядом человек семь океанцев и терзали губные гармошки, выдувая душераздирающие трели.

– Весело тут у вас, – заметил Тимофей.

– Это не у нас, – махнула рукой Наташа Стоун, – мы тут и сами временно.

– Оказываем шефскую помощь, – вставил Шурик Белый.

– И делимся передовым опытом, – добавил Рыжий.

– Не слушай ты этих балаболок, Тимка, – сказал Боровиц. – Мы тут совсем по другой надобности. Местные стадо китов заприметили накануне, голов двадцать. Вроде как неклейменые. Вот дождемся плавучей базы, да и сгуртуем их всех.

---

²¹ VR – виртуальная реальность.

– Стан у нас домовитый, – проговорил Белый.

– Разговорчики в строю!

– Хозя-яйственный, – не унимался Шурик. – На все, что не тонет, готов «Летящую Эн» поставить...

– Цыц, сказал.

– Однажды нашего Тугарина чуть не заклеймил – перепутал с кашалотом!

– А мне можно в этом... в этой гуртовке поучаствовать? – решил Тимофей задать глупый вопрос.

– Нужно!

– Посвятим тебя в китопасы, – торжественно сказал Рыжий.

– Сунем под китовый фонтан! – подхватил Белый.

Китопасы как раз проходили мимо «Бон-тона», когда заунывная мелодия, выводимая хориолой, неожиданно пресеклась. Зато вынеслись на улицу звуки потасовки – загремела роняющая мебель, зазвенела расколачиваемая посуда, кто-то закричал, а в следующую секунду высокий, сухопарый мужчина в изгвазданном комбинезоне спиной распахнул «крылья летучей мыши» и буквально вылетел вон, упал и перекувыркнулся. Следом заведение покинул рассерженный Тугарин-Змей. Его удерживала за локоть Марина, переодетая в джинсы и кокетливую блузку, еще пуще выделявшую ее прелести и красоты.

– Хватит, Илья! – кричала девушка, тормозя обеими ногами. – Да стой же ты, китяра ревнивый!

– Никто не смеет! – прорычал Харин. – Тебя обзывать!

– Все, все! – Марина повисла на великане. – Он больше не будет! Он был дурак пьяный, а теперь ты ему сделал внушение... Пойдем, Илья! Ну?

Тугарин-Змей остановился, потоптался, ворча, и послушно развернулся.

– Вот и молодец! Пошли, пошли... – И врачиня утянула китопаса обратно в салун. Сразу же заиграла хориола, встречая парочку бравурным маршем.

Браун удивился даже – он не испытывал обычной ревности, а уж о тоске с отчаянием и вовсе речи не было. Он прекрасно помнил, как еще вчера Марина извивалась под ним, вскрикивая от удовольствия и требуя: «Еще... Еще! О-о-о...» Даже нежный запах ее духов не забылся, даже горьковатый вкус атласной кожи ее грудей – там, где их сперва лизнуло море, а потом уже язык... Неужто излечился от несчастной любви? Да и была ли та любовь? Или он опростился? Вот что океан животворящий делает!

– Да-а... – протянул Тимофей, сохраняя лицо. – Не буду я к Марине приставать, очень это нездоровое занятие...

Рыжий хмыкнул и склонился над поверженным, подававшим первые признаки жизни.

– Это Орландо, – опознал он обидчика врачини, – со станции Обход. Тут они, рядом, сразу за полосой...

Орландо замычал, разлепил глаза и выдал витиеватую словесную конструкцию, в которой «mother-fucker» сочетался с отборными русскими выражениями. Перегар поднялся удущливой волной.

– Лучше бы тебе заткнуться, Ландо!

– Надо меньше пить, – сделал мудрый вывод Шурик Белый.

– Ну, все, отбой, – распорядился сегундо. – Учтите, Шурики, подниму с рассветом!

– Мы прониклись!

Боровиц хмыкнул только, выражая глубокое сомнение, и поманил Тимофея за собой.

– Жить будешь в «Гранд-отеле», третья комната. Занимай свободную кровать, и банишки.

Убеждать Станислава, как Шурики, в своей дисциплинированности Тимофей не стал – его организм давно уже мечтал залечь и не подниматься. И вскоре мечты начали сбываться.

Правда, сразу заснуть не получилось – взбудораженный мозг не давал телу команду «отбой». Брауну постоянно вспоминался Виктор – Виктор в рубке, на спине кита, на берегу...

Часа в два ночи Тимофей проснулся в поту, его мучили кошмары – удивительно яркие картины недавнего убийства. Тошнотворный запах крови лез в нос, оглушали крики и хрипы, хотя Заика Вайсс умер молча, да и в толпе не нашлось слабонервных.

Встав, Браун умылся холодной водой и подошел к окну, круглому, как иллюминатор. Раздрайл его и впустил в комнату свежий морской воздух. С улицы на потолок прыгали цветные «зайчики» – отражения больших экранов уличного информатора. С экрана вещал сам Генеральный Руководитель проекта ТОЗО, Otto Васильевич Фогель, метко прозванный Акулой Фогелем. Акула – весь из костей и железных мускулов, с большим носом и широким ртом, сутуловатый, с могучей впалой грудью и длинными руками, – давал интервью спецкору Мировой Сети:

– Эксперимент удался, – говорил он с напором, – мы сумели решить фундаментальную социальную проблему праздности, возникшую более четверти века назад, когда труд перестал быть общественной необходимостью. ТОЗО дала неработающим то, в чем они остро нуждались, – большой фронт работ. Никто из переселенцев не преодолевает искусственные трудности – в океане достаточно вполне натуральных тягот. Океанцы пасут китов, разводят рыбу, собирают планктон и водоросли. Они добывают железо-марганцевые конкреции, сульфидные отложения «черных курильщиков» и корковые руды с гайотов²². Они строят батиполисы и хабитаты, ИТО и СПО, перерабатывающие комбинаты и мезоядерные станции. Все они заняты делом и весьма этим довольны.

Спецкор, высокий худой парень с длинным печальным лицом и грустными глазами старой гончей, робко задал вопрос:

– А какие, по вашему мнению, ближайшие перспективы у ТОЗО?

Генрук кивнул большим носом и сказал внушительно:

– Тихий океан осваивается строго по проекту. Мы будем планомерно расширять свое присутствие, вовлекать в процесс освоения все новые и новые акватории. Спору нет, мы испытываем серьезное сопротивление преступных элементов, но заявляю с полной ответственностью – закон будет утвержден повсюду, а бойцы нашей Океанской охраны ликвидируют все преступные группы и бандформирования. У меня есть мечта – лет через тридцать превратить Океанскую охрану в сугубо мирную организацию...

Тимофей Браун поморщился, затворяя окно. Интервью было так театрально, так похоже на выступление художественной самодеятельности, что вызывало раздражение и рвотный рефлекс. Эти картины позы, этот площадный пафос... Тьфу!

Сихали снова залег. До утра.

---

²² Конкремциями принято называть шаровидные образования, состоящие из железа, марганца и других металлов. Рыхлые отложения гидротермальных источников («черных курильщиков») вблизи срединно-океанических хребтов и трансформных разломов имеют высокое содержание меди, цинка и т. д. Корковыми рудами называют потому, что они покрывают слоем-коркой склоны подводных плосковерхих вулканов – гайотов. Содержат более процента кобальта.

Глава 4. Гуртовка

Удивительно, как прихотлив разум и нетребователен инстинкт. Животное может спать урывками, покидая лёжку хоть в ясный полдень, хоть в темную полночь. Хищник или травоядное удовольствуются тем спальным местом, какое найдут, будь то трава, песок или голый камень.

А вот человеку разумному, изнеженному хомо сапиенсу, подавай непременно мягкое ложе и чтобы тишина вокруг стояла, мухи с комарами не кусали, а холодный дождь пусть барабанит по крыше, но никак не по твоей собственной стынущей шкуре. Сапиенсу уют нужен и покой и чтобы поспать вволю. Восемь часов, как минимум. Ну ладно, семь. Только чтоб не вставать рано!

Хомо сапиенс может явиться домой в четвертом часу ночи после ха-арошей вечеринки и завалиться спать. Воспрянет ото сна ближе к полуночи, провалявшись семь часов, и будет думать, что жизнь удалась. Однако уложи его в десять и подними в шесть утра – хныкать начнет и брыкаться, ибо кто ж в такую рань встает?! Разве что «жаворонки». Но Тимофея относил себя к «совам»...

Боровиц поднял всех ровно в пять. Шурики, залегшие после полуночи, ныли и жаловались, Арманто ссыпал просто «оленями» и «оленями безрогими», Харин хмуро сопел, обувая свои ножищи в здоровенные сапожищи, одна Наталья была свеженькой и бодрой – девушка священномействовала вокруг кофеварки, злобно шипевшей и плюющейся кипятком.

А Наташины китопасы все подходили и подходили – Токиши Ашизава, плотный бритоголовый японец в голубых очках. Сухощавый и светловолосый, не по годам суровый Самоа Дженкинс. Коричневый молодой человек великолепного сложения – Джамил Керимов. Плечистый парень лет тридцати с крепкой шеей и смуглой кожей – Тераи Матеата. Широкий, сутулый, угрюмый Лёва Вальцев. И еще, и еще... Все быстроглазые, с четкими, выверенными движениями, жесткие, у всех по бласту, а то и по два – к нам не подходи! Двадцать восемь человек работали на «Летящей Эн», и ни одного лодыря, труса или вруна среди них не числилось – такие тут просто не выживали. Эволюция!

А потом из кухни выплыла Ханичэйл Боровиц – высокая и дородная, с несколькими подбородками и пухлыми красными руками. Углядев Тимофея, она решительно заявила, что ее следует называть «тетей Хани».

- Как тебя зовут? – энергично спросила Ханичэйл.
- Тимофея.
- А фамилия?
- Браун.
- Прозвище есть?
- Сихали. Вроде бы...
- Сколько тебе лет?
- Двадцать четыре.
- Работник?
- Да.
- Образование?
- Высшее.
- Что кончал?
- Дальневосточный универ.
- Женат?
- Н-нет...

Тут в двери ввалился Станислас Боровиц и заорал:

— Что у тебя за манера людей допрашивать? — Оглядел китопасов, он осведомился с той же громкостью: — Вы еще здесь, фон бароны? Чего расселись?

Тетя Хани тут же накинулась на супруга:

— Чего ты орёшь?!

Тот малость присмирел, но, будто по инерции, задиристо парировал:

— На работу пора, вот чего! Мы что сюда, сидеть пришли?

— Замолчи! — рявкнула Ханичэйл. — Дай людям хоть кофе допить, кашалот!

Люди мудро помалкивали.

— Кофе им... — пробурчал Боровиц, сбавляя громкость. — Графья нашлись... А какавы с марципанами им не подать?

Постепенно негодование Стенисласа перешло в неразборчивое ворчание и затихло, а лицо сегундо приобрело скорбное выражение.

— Кушайте, мальчики, — ласково прожурчала тетя Хани, — кушайте!

Допрошенный Браун сел, нахохлившись, у стола — спать хотелось ужасно. Наталья тут же сунула ему чашку с бодрящим напитком, черным как смола.

— Настоящий кофе, — сказал Стенислас назидательно, — должен быть крепким — таким, чтобы в нем гребной винт не тонул!

Внезапно вспомнив, что его сильно обидели, главный смотритель насупил брови.

Тимофей отхлебнул горяченького и признал, что кофе настоящий — сонливость он сдирал, как наждачка ржавчину.

— Не выспался? — ласково сказала Наташа. — Ничего, сегодня пораньше ляжем...

— Пойдем на своих, — вступил Боровиц, с шумом отхлебывая бодрящий напиток. — Парни с Обхода обещали помочь на «Скаутсабах». Илья, за тобой вид сверху...

Тугарин молча кивнул, цедя кофе из кружки размером с ведерко.

— Сихали, — обратился к Брауну главный смотритель, — ты на каких ходил?

Младший смотритель не сразу допер, о чем его спрашивают. Наталья опередила его:

— На «Бронко» он ходил. И на «Орках».

— Вот и славно, у нас как раз «Бронко». «Орок» три всего. Ежели по осени отгоним стадо в Петропавловск, на китобойный комбинат, хозяйка грозилась всех на новые «Орки» пересадить...

— А это уж как себя покажете, — важно сказала Стоун.

— «Орка» — это вещь! — оценил Белый.

— Допивай быстрее, — посоветовал ему сегундо, — и шагом марш.

«Бронко» была старой северодвинской разработкой, удачным проектом одноместной субмарины — простой и дешевой. С маломощным моторным реактором, она могла развивать узлов тридцать—сорок, а пиробатовая броня позволяла погружаться на полкилометра максимум. «Орка» же развивала и пятьдесят узлов, и больше, могла глиссировать по поверхности и даже выпрыгивать на скорости из воды, пролетая полста метров. И глубин достигалаabisальных — до шести кэмэ.

Ближе к центру СПО наличествовал купол главного кессона, оттуда наклонный тоннель выводил к подводному причалу.

Китопасы спустились и двинулись круглым коридором, похожим на салон старинного авиалайнера — с обеих сторон шли в ряд иллюминаторы. За ними зеленела вода, подсвеченная прожекторами, и виднелись «Бронко» — двадцатиметровые веретена, горбами рубок соединенные со стыковочными узлами «плота».

Стенислас шлепнул по люку, отмеченному семеркой, и сказал Тимофею:

— Это тугаринская, залезай и обнюхивайся.

— Только я в китах — ни бум-бум, — признался Браун. — Почти...

– Научишься, – усмехнулся главный смотритель.

– Освоишься! – воскликнул Шурик Рыжий. – Вон, даже Арманто, уж на что тундра, а и то вник!

– Слыши, ты, вонь рейтузная? – рассердился чукча, с утра бывший не в духе. – Получишь щас!

– Отставить! – рявкнул Боровиц, пресекая межнациональную рознь. – Заткнулись оба. По местам!

Тимофей мигом раскрутил маховичок люка и юркнул в тесный кессон субмарины. Внутри «Бронко» казалась полузнакомой – весь опыт плаваний Брауна на этой подлодке сводился к коротенькой стажировке, но не признаваться же, что ты «малёк»-неумеха…

Внимательно оглядев приборы, он чуток взбодрился и начал оживлять системы и блоки. Спохватившись, включил селектор.

– Расстыковку разрешаю, – грянул хрипловатый голос Стенисласа. – Погружение полста метров. Пойдем двумя звенями – «Бронко» справа от меня, «Скаутсабы» – слева. Илья, ты как?

– Взлетел, – посыпался бас Тугарина.

– Сектор?

– Норд-ост.

– Принято. Эй, валбои!²³ Чего прижухли? Полный вперед!

Сихали Браун осторожно, с бухающим сердцем, запустил турбину. Та заныла, пуская вибрацию. Громко щелкнула герметическая перемычка. «Бронко» освободилась и начала погружение, одновременно ускоряя ход.

Вскоре субмарина вышла из-под «плота», но вода светлее не стала – слишком рано было, косым лучам встающего солнца не пробить толщу воды над «морскими конями» китопасов.

На селекторе замигал зеленый сигнал, и тут же раздался сдержанный бас Ильи:

– Цель обнаружена. Двадцать два сигнала. Азимут – пятнадцать, дальность – два кмэ.

– Ходу, ребятки! – повеселел главный смотритель. – Ходу!

Вспотевший Браун кое-как сориентировался и увеличил скорость. Кашалоты больше семи узлов не выжмут, тут у турбины явный перевес.

– Сихали, слышь?

– Слышу, Стан.

– Запоминай свой маневр – будешь ходить на глубине десять метров с востока от стада. Задача простая – не выпускать китов. Обычно они шугаются субмарин, но если на прорыв ринутся, пугани их инфразвуком!

– А где… А, вижу. Инфразвуковая пушка?

– Так точно. Только регулятор не устанавливай больше ноль пяти…

– А то кашалотикам будет бо-бо! – жизнерадостно пояснил Рыжий.

– Я тебе щас самому ваву сделаю! – сердито сказал Боровиц.

Браун вдруг раззадорился и дал совет:

– Лучше Тугарину намекнуть, что Шурика видели поблизости от Марины…

Селектор донес мощный хохот.

– Ты чё?! – вопил Рыжий. – Змей же меня потопит!

– Сапогом торпедирует, – уточнил Белый.

– Ладно, – решил Арманто, – обойдемся без намеков – субмарину жалко…

– Отставить! – весело гаркнул главный смотритель. – Подгребаем. «Скаутсабы» заходят с запада, мы – с востока. Арманто и Токиши отсекают по глубине. Илья, как там?

---

²³ Шутливое прозвище китопасов, производное от «ковбоя», только с приставкой «вал» – «кит» (для сравнения – финвал, сейвал, нарвал – различные породы китов).

– Киты на месте. Пеленг – пятнадцать с копейками. Два десятка дрыхнут, один кашалот собрался заныривать.

Ругая себя, Тимофей включил малый монитор и увидел «картинку», переданную с борта вертолета, – у самой поверхности висели темные тушки китов, не двигаясь и не дыша. Нашелся лишь один желающий позавтракать – огромный кашалот «занырнул», погружаясь вертикально вниз своей несуразно-огромной головой. Над мелкими волнами скользнул спинной горб, махнул черный хвост, и кит ринулся в пучину, кальмаров лопать.

– Холостяцкая группа! – оживленно проговорил Боровиц. – Видишь, Тимка? Все одномерки, метров по восемнадцати вымахали.

– А я думал, мы к этому… к гарему шли.

– Да ну, ты что! С гаремом больше всего мороки. Тут как – кашалоты с весны на север мигрируют, следом за кальмарами поднимаются по Курсио – и лопают головоногих по дороге. Киты-одиночки к Курилам в апреле подгребают, гаремы только в конце мая появляются, летом киты в косяки сбиваются. Сейчас сентябрь, скоро тут больше всего кашалотов соберется, будут подходить с севера, а в октябре на юга двинутся. Ну и мы свое стадо погоним… А пока что это оприходуем! – Голос старшего смотрителя построжел: – Взялись, валбои.

Субмарина Тимофея подвсплыла, и за иллюминаторами стало светлее. Громадные киты висели в прозрачной воде, опустив хвосты, и казались неживыми. «Саб-7» подплыл к ним так близко, что даже коснулся кашалота бортом. *Physeter*²⁴ лениво подвинулся и снова заснул.

– С твоей стороны, Джамил, просыпаются!

– Вижу, вижу…

Браун не увидел, но услышал – ультраакустика донесла солнную болтовню китов: короткие щелчки, стонущие скрипты и частый треск. Разговорились…

Сихали активировал инфразвуковую пушку, гадая, как китопасы собираются гуртовать кашалотов. Зубатый кит – это тебе не бычок норовистый, лассо на него не накинешь.

Только тут Тимофей заметил маленькую иконку, прилепленную к панели, – образок святого Николая Чудотворца, покровителя мореплавателей. Суровый и молчаливый Илья открылся с новой стороны…

Младший смотритель навел прицел пушки на ближайшего кита – по экрану проползла тупая морда, размерами и формой смахивающая на аэростат, подобный тем, что полтора века назад висели в небе над блокадным Ленинградом. Короткая, мощная нижняя челюсть была несоразмерно мала в сравнении с гигантской утробой.

Кашалот открыл круглый черный глаз – совершенно коровий, равно добродушный и безразличный ко всему на свете, – и лениво двинулся, поднимаясь к поверхности. Забелело морщинистое брюхо, полосатое из-за продольных складок.

– Куда? – забеспокоился Браун, хватаясь за мягкие рукоятки штурвала.

«Бронко» рванулся по косой вверх, будто норовя боднуть кашалота в брюхо, и тот шарахнулся в сторону. Впрочем, шараханье для великана выглядело плавным, величественным даже – кит изогнул громадное туловище и отплыл обратно к своим дружкам.

– То-то, – бодро заключил Тимофей.

– Плотнее к стаду! – отрывисто скомандовал Боровиц. – Рыжий, следи за глубиной!

– Будь спок, никто не уйдет.

– Работайте электрозондами, в крайнем случае, дадите импульс из инфры…

– Стан! Нам буйный попался! Двадцать один метр, как бы не вожак!

– Анестезирующую бомбу ему! Быстро, быстро!

Сихали Браун азартно ерзал на сиденье, и тут боги моря стали ему благоволить – незримая доселе схватка переместилась к востоку и попала на экран.

---

²⁴ Латинское название кашалота.

Здоровенный китяра, настоящий исполин, сгибался и разгибался, кружась на месте и поднимая такую волну, что «Бронко» плясала. Прозрачный шар анестезиющей бомбы лопнул беззвучно, раскололвшись о морду вожака, и по исполосованной в драках коже прошла дрожь.

Кашалот вяло опустил хвост и вдруг изогнулся кренделем. Распрямившись, он нанес такой удар по «Скаутсабу», подвернувшемуся «под хвост», что аж гул пошел.

– Хоппи! Как ты?

– ...! Как ботало в колоколе!..!

– Стан! Еще бомбу?!

– Хватит! Отойди, Токashi, буду его ропать...

«Скаутсабы» и «Бронко» медленно разошлись, освобождая место для роупинга – набрасывания лассо. Тимофей только головой покачал. Он присутствовал однажды на rodeo, в каком-то техасском агрокомплексе, но там расфуфыренные ковбои заарканивали бычков-двухлеток. А тут-то кашалот, и еще какой – сто тонн крепчайших мышц и костей!

Вожак будто поглядывал на приближавшуюся к нему субмарину. Боровиц ласково уговаривал кита:

– Стоишь, и стой... Хороший китик... Смирно... Щас мы с тобой поиграем...

Острый нос «Бронко» раскрылся, и оттуда вылетел двояковыпуклый диск, разматывающий за собою прочный кабель-фал.

Кашалот шевельнул головицей, но не придал значения странной круглой рыбе. А «рыба» чиркнула кита по спине и выпустила три тарелки-присоски. Это вожаку сильно не понравилось, он тут же вспомнил чудовищных кальмаров, с которыми не раз схватывался в пучине вод, и круглые шрамы, оставшиеся от их присосок. Диск присосался сам и вытянул блестящие кольчатые щупальца, стискивая необъятное туловище.

Кашалот со всей дури ринулся в глубину, кабельфал натянулся, и субмарину поволокло на буксире. Турбины выдавали полную мощность, отрабатывая «полный назад», но кит был сильнее.

– Шурики... – просипел сегундо, словно своею силой удерживал зубатого «физетера».

Субмарины, ходившие кругами под стадом, пугнули кашалота, вразумляя инфразвуком, и тот резко вывернул тело, устремляясь к поверхности. Чудилось, он нисколько не замечает прицепившейся к нему «Бронко», прет себе и прет.

– Следите за стадом! – рявкнул голос Боровица. – С этим я сам справлюсь!

Кашалот рванул на юг, волоча за собой упиравшуюся субмарину.

Браун сразу спохватился, заоглядывался, не возымели ли киты желания драпать на восток. Один-таки сунулся, и Тимофей сгоряча хлопнул по спусковой клавише. Инфразвуковая пушка сработала. Кашалот сильно вздрогнул и от испуга обделался – облачко желтой мутни расплылось по экрану.

– Вот, засранец!

– Шурики, как там?

– Возбудились китики!

– Бомбим?

– А у тебя что, бомбардировщик? На такое стадо всего нашего боекомплекта не хватит!

Кашалоты и вправду возбудились – они целиком выпрыгивали из воды, падая обратно с оглушительным плеском.

– Стан! Катаешься?

– Норовистый... Загонял меня совсем! Выыхает вроде. Следите там! Можете парочку бомб сбросить...

Что еще советовал главный смотритель, Сихали Браун не дослушал – сразу два кашалота ринулись на восток, один за другим. Первый оттолкнул с дороги субмарину, и выстрел

из инфразвуковой пушки ушел в никуда. Саму «Бронко» развернуло задом наперед. Один кит уходил, другой вот-вот уйдет. Пока развернешься… Мгновение спустя младшего смотрителя осенило, и он выжал рычаг. Турбина взывала, струя кипятка хлестнула по киту. Тот сразу забыл о попытке к бегству. Но первый-то ушел! Неожиданно для самого себя Тимофея выматерился, неумело, но замысловато.

– Ух, ты! – восхитился Рыжий. – Автора! Автора!
– Это Сихали выстроил сию изысканную конструкцию!
– В три этажа!
– С мансардой и садиком вокруг…
– Да кит сбежал, – стал оправдываться Тимофея, алея щеками и благодаря конструкторов за отсутствие видео.

Тут пробился голос Ильи:

– Троє бросилось. Ушел один. Как ты их?
– Струей достал.
– Нормально.

Браун мигом возгордился, а о том, что заметил только двоих, пустившихся в бега, он благородумно промолчал.

– Стан возвращается!
– И кто кого везет?
– Битый небитого!

Ультразвуковой локатор быстренько нарисовал картинку: громадное пятно, тупорылое и хвостатое, тащило за собой изящное веретено субмарины. Кабель-трос смотрелся пунктиром.

– Короче, валбои, – ворвался в рубку голос запыхавшегося секундо, – мы с вожаком в голове стада пойдем, Белый с Рыжим и Джамил с Арманто – на флангах, Тимка и Токаши – в хвосте. Ван, Хоппи, большое вам мерси. Привет Обходу!

– Счастливо дойти!
– Глядите там, чтобы «коровки» не забодали!
– Бывай!

Браун еле разобрался в мельтешении пятен, кто, где и за кем, после чего занял свое место в замыкающих.

Кашалоты вели себя более-менее смирно, шли следом за признанным вожаком, не догадываясь, что в споре на тему «Кто тут главный?» выиграл Станислав Боровиц, двуногое млечкопитающее, чуть побольше тюленя.

Пара китов, самых зловредных, бросилась на субмарину Вуквуну, зубами хватая за рули.
– Не по пасти сласти! – проорал Арманто. – Эй, отцепись, скотина! Погнешь ведь!

Щелкнул разрядник, унимая зловредов.

– Шурики, зря не мельтешите – чипизируйте²⁵ скотину!

Главный смотритель пока не размыкал цепь и не убирал присосок – пускай китяра постоянно чувствует хозяйствскую руку, смирнее будет.

Шурики носились на флангах, изредка пощелкивая разрядниками-электрозондами, не позволяя китам разбредаться и чпокая длинной «удочкой» – метчиком для клеймения, внедрившим под кожу кашалотов крошечные чипы.

– Стан, слышишь? – подал голос Белый. – Тут охотничек возвращается!
– Не мешай ему, пускай отышится. Если уйдет – пускай…

Кит, налопавшийся кальмаров, стремительно всплыval, и вот его башка, похожая на горелый пень баобаба, вздыбилась над водою, раскидывая пенистые потоки.

---

²⁵ Чипизировать – вводить животному чип для постоянного контроля и опознания, тоже своего рода клеймо.

Кашалот словно и не заметил присутствия субмарин. Обменявшись с сородичами серией тресков и скрипов, он поплыл со всеми вместе, часто пуская фонтан – широкий и «пушистый», наклоненный вперед и влево, вскидывая пахнущий мускусом пар метра на три. Охотник на кальмаров, добрый час пропадавший в холодной бездне, «запыхался» и теперь вовсю вентилировал легкие.

– Сихали! – послышался голос Токаки Ашизы. – Бдишь?

– Изо всех сил.

– Тогда подгони вон тех отстающих. Добавь им прыти!

– Сейчас я...

Тимофей отклонил субмарину влево и выметнул длинный ус разрядника, стреканув кашалота, замедлившего ход. Животное мигом встрепенулось и живее заработало хвостом.

– Порядок!

Следом взбодрился и сосед заленившегося *physeter'a*. Стадо окончательно успокоилось и плыло туда, куда их вели двуногие, – к северо-западу, на рандеву с плавучей базой «Онекотан».

«Онекотан» показался на шестой час пути – малый авианосец-универсал, лет полста назад способный как поднимать с палубы самолеты, дископланы и вертолеты, так и десантировать бронеходы-амфибии или аппараты на воздушной подушке.

Малый авианосец давным-давно списали, он тихо гнил в Авачинской бухте, дожидаясь очереди на разделку и рецикл, когда его присмотрели китопасы с ранчо «Летящее Эн». Они вскладчину выкупили авианосец и приспособили его под плавучую базу. Корабля, больше пригодного для долгих перегонов, было не сыскать.

Океанцы шумно переговаривались в эфире с друзьями на борту «Онекотана», а сама плавучая база царственно разворачивалась к звену, ведомому Боровицем.

Пригнанное стадо главный смотритель передал дежурным пастухам, и те повели присмиревших китов на кормежку – вдоль всего левого борта плавучей базы работали камеры сброса, кидавшие в воду гигантские порции кальмарского мяса.

«Прогулявшиеся» кашалоты дружно накинулись на угощение...

Все это было очень интересно, но Сихали Браун до того вымотался, что к концу перегона лишь тупо исполнял отдаваемые приказы. «Это тебе не ламинарию косить...» – проползало в мозгу, повторяясь и повторяясь.

– Тим, – послышался Наташин голос, – давай, подваливай в серединку, пойдешь наверх сразу за Арманто.

– Ага, – тихо сказал Тимофей.

– Притомился?

– Ага.

– Ничего, Тимочка, завтра высшимся – суббота! Если не на вахту. И не на дежурство...

– Ага...

Плавучая база «Онекотан» была катамараном – два узких корпуса соединялись общей палубой размером с футбольное поле.

Субмаринам полагалось заплывать в пространство между корпусами, где могучие биомеханические манипуляторы легко подхватывали их и рассовывали по «полочкам», как китопасы называли доки.

Была какая-то несолидность в этом подхватывании. «Будто я муха в супе, – обижался Белый, – и меня шумовкой – раз! – и... куда надо!»

Дождавшись, пока под днищем загудят полозья эллинга и клацнут, отцепляясь, захваты манипуляторов, Браун выбрался из люка и осторожно спустился на доковую палубу «Онекотана» – с субмариной капало, и синтетическая слизь на чешуе, холодная и очень скользкая, еще не просохла, можно было и загреметь.

Проверив, надежны ли фиксаторы, удерживающие «Бронко», Тимофей вышел на узкий балкончик, тянувшийся вдоль «внутреннего» борта. Внизу клокотала и шипела вода – буруны от обоих форштевней сталкивались здесь и закручивались пенистыми водоворотами. Сверху нависали пролеты палубы. Под нею ходили мостовые краны со сложенными втрое манипуляторами. Было под палубой зябко и сыро и дуло, как в трубу.

Браун дошагал до ближайшего трапа и поднялся наверх. С правого борта башней поднималась надстройка, утыканная тарелками антенн и овальными блюдами локаторов, за ней открывалась взлетная палуба, где стояли, вяло опустив лопасти, два вертолета воздушного патруля. Слева, под прозрачной полусферой, плескался бассейн. Молодая особа с гибкой фигурой как раз сигала с вышки. Тимофей залюбовался приятным видом.

А особа вынырнула и помахала ему рукой – Браун с удовольствием сделал тот же приветственный жест, узнавая Марину. Тугарин-Змей был тут как тут – топтался с громадным мохнатым полотенцем веселенького розового цвета. Он протянул его в руки на вытянутых руках, словно выдерживая дистанцию, и девушка быстро завернулась. Илья сделал движение, пытаясь подхватить Рожкову, но та погрозила ему пальчиком, и великан отступил, блаженно улыбаясь. Сихали поёжился – ветерок дул более чем свежий, словно донося привет из близкой Арктики. И как только Маринка не мёрзнет на такой холодине?

– Надо было его сразу анестезировать, и чтобы... – донесся глухой и гулкий голос Рыжего с доковой палубы. – Раньше кашалотов гарпунами били, ручными, с вельботов, я б так не смог, и вообще... Или врут, или по правде в «Центроникс» Фредди Страттрайсер на гастроли?..

Тимофей улыбнулся. Доминантой характера Шурика Рыжего была бестолковость – он не входил, а врывался, не шагал, а бежал, начинал говорить про одно, обрывал фразу, торопился высказать другую, не договаривал и ее, потому как третья была на подходе и четвертая становилась в очередь. А Белый был говорун, он обожал политические дискуссии, светские сплетни и знал о «звёздах», «звездышках» и «звездунчиках» буквально всё.

– Это ещё когда будет! – авторитетно заявил он. – Фредди сейчас разводится со своей третьей старшей женой Лейлой – у него линейный брак. Представляешь, он взял в жёны Лейлу, а ее бойфренда – этого футболиста, Александринюю, – сделал своим собрачником. Обещал вывести в младшие мужья, а теперь неизвестно, чем вся эта бодяга закончится и до гастролей ли будет бедному Фредди...

– Любят эти мегазвёзды повыпендриваться!

– Реклама же... А то вдруг про них забудут.

Шурики поднялись на палубу и потопали на левый борт – там, в твиндеке, располагалась кают-компания.

Следом за Шуриками вылез Арманто, глотавший пиво. Поприветствовав Брауна поднятием биопакета, он удалился к кибернетистам – у тех в надстройке имелся мощный нейрокомпьютер класса «Гото-5», и можно было повиртуализовать в свое удовольствие.

– Нет, ну ты посмотри на него! – разнесся по кораблю гневный глас тети Хани. – Он опять пьяный! Да когда ж ты успеваешь, свинья? У всех как-то по-людски всё, один ты алкаш!

Станислас попробовал вякнуть в свою защиту, тут же последовал окрик «Замолчи!», и супруга Боровица разразилась целой серией обличений.

Браун фыркнул: хороша у сегундо семейная жизнь – вечный мир в состоянии войны! А им как будто нравится...

Взлетная палуба не была огорожена обычным для судов фальшбортом, и Тимофей не стал подходить близко к краю, хотя качка «Онекотану» грозила не слишком, да и под ногами лежала удобная рубчатка – надо еще суметь поскользнуться. Браун обвел глазами огромное китовое стадо – кашалоты лениво плавали, пускали фонтаны пара, шлепали хвостами по воде, заныривали. А дальше к югу блестел и переливался необъятный простор океана. ТОЗО.

Глубокой ночью Браун пробудился ото сна. Опять ему виделись убиенные – Заика Вайсс, в обнимку с Хлюстом, танцевали канкан – жуткие, окровавленные, обезображеные трупной зеленью… Тимофей поморгал на потолок каюты (моряки говорили – подволок) и решил выйти подышать.

На палубе было свежо и сырое. В ясном небе горели россыпи косматых звезд. Бледный и тонкий полумесяц пускал по спокойным водам серебристую «дорожку к счастью».

Осторожно ступая, Тимофей дошел до края, до самых лееров. «Онекотан» тихо дрейфовал, и никакие механические звуки не перебивали пыхтения и сопения китов – и в самом деле, как коровы. Слабая волна плескала в борт… Хорошо!

Один из китов вынырнул с подводной охоты. Он поймал молодого кальмара – головоногого десятиметровой длины. Моллюск извивался; изогнутый, как у попугая, клюв впился в голову кашалота, выдирая кусок кожи. Кит раздраженно встряхнул свою добычу, раскрылись и снова сомкнулись гигантские челюсти – серые щупальца скрутились в последней агонии, словно кубло змей. Кашалот медленно поплыл по кругу, отдуваясь, мощно выбрасывая в воздух столбы пара. Ключья высывающей слизистой пены покрыли темя животного. Отдышавшись и отдохнув, кит принялся за убитого кальмара и, неторопливо отрывая от туши куски размером с футбольный мяч, проталкивал их языком в глотку.

А вот и еще один охотничек… Ровная поверхность океана, гладкого, как расплавленное серебро, внезапно взорвалась, и, прежде чем Тимофей успел понять, что произошло, над водою вырос лес теней. Сверкающий черный гигант, вожак стада, сцепился с гигантским кальмаром. Воистину гигантским!

Щупальца толщиной с бревно обхватили всю голову кашалота, громадное тело чудища глубин тускло светилось розово-серым, глаза размером с колесо упорно и холодно таращились.

Кашалот забил хвостом, его пасть вгрызлась в плоть моллюска, но и тот не сдавал, давил кита в могучих объятиях.

Негромко завыла сирена, и вот пара субмарин поспешила на помощь «своему» млекопитающему.

Досматривать, как добывают кальмара, Браун не стал, он хотел запомнить эту картину из жизни – битву титанов в лунном свете, где все по правде, где есть лютая жажда убийства и дикое, воистину первобытное неистовство.

– Нравится? – послышался тихий голос Наташи.

Тимофей обернулся. Девушка стояла за его спиной, кутаясь в наброшенную куртку. Младший смотритель кивнул и добавил вслух:

– Очень.

Стоун придвигнулась ближе и неожиданно спросила голосом, вздрагивающим от волнения:

– А я тебе нравлюсь?

Сихали до того растерялся, что не сразу нашелся с достойным ответом. Наташа расценила его молчание по-своему и резко отвернулась, бросив:

– Прости, я…

– Нет, нет! Я просто… Просто забыл все слова.

Браун шагнул к девушке, желая утешить, успокоить ее, убедить, что она красива и желанна, что они друзья… Хотя о дружбе лучше промолчать.

Он обнял Наташу со спины, и рука его легла на грудь девушки – сосок, набухший, почти твердый, ткнулся в ладонь.

– Моя каюта тут, рядом… – донесся до Тимофея задыхающийся шепот.

Глава 5. «Красная суббота»

С утра прибыл грузовой дирижабль с Парамушира и доставил три новеньких «Орки» – их быстро распределили между «ветеранов». Боровиц определил Сихали Брауна к Арманто Комовичу, в его звено субмарин, и закрепил за младшим смотрителем «Орку» под первым номером, на которой сам до этого ходил.

А после обеда прозвучал сигнал тревоги – с дежурного вертолета сообщили, что в стаде намечается большая драка.

Вукун как раз грелся на солнышке, потягивая любимое пивко, и тут подлетел сегундо.

– Чего сидим?! – загромыхал Станислас. – Поднимай звено! Тебе что, отдельное приглашение нужно?

– Ст-а-ан, – очень натурально заныл Арманто, – рука разболелась, не могу! Шибко-шибко болит! Пускай Джамил сегодня за меня побудет, а? Ноют старые раны, однако…

– Сейчас я тебе новые понаделаю! – пообещал Боровиц. – А ну, быстро встал – и бегом марш в доки! Лодырюга!

Сихали с интересом следил за перепалкой, заодно примечая, на чём тут держится трудовая дисциплина.

– Что за шум, а драки нет? – весело спросила Наташа, спускаясь с капитанского мостика.

– Провожу воспитательную работу с личным составом, – пробурчал сегундо. – Разлезнился твой Арманто, дальше некуда!

– Да рука совсем отваливается, – страдальчески сморщился Вукун, – а от этого зверюги никакого милосердия… Меня лечить надо, а не угнетать, понял?

– Сейчас я тебе лечебный массаж назначу, – зловеще пообещал Боровиц. – Пинками с одра подниму и в строй поставлю!

– Может, Тугарина послать? – неуверенно предложила Наталья.

– Ага! А на вертолет я кого посажу?

– Ну, я могу…

– Еще чего не хватало! Вукун у тебя старшим смотрителем числится или ты у него? Это ты ему каждый месяц отсчитываешь сорок азиков! Так вот, пусть хоть изредка их отрабатывает!

– Арманто… – сказала просительным голосом Наталья. – И я с вами схожу. Мм?

Мнимый больной тяжко вздохнул и поднялся.

– Ладно, – проворчал он, словно делая великое одолжение. – Попробую превозмочь недуг. Сихали, за мной!

Звено субмарин, по очереди и в темпе, перебросили на турболете в район мыса Наварин. «Орку-1», невзирая на номер, погрузили на борт последней.

Турболет несся над самым морем.

– Внимание! – заговорил динамик на пульте. – Высота десять метров. Открываю люки грузового отсека. «Орка-1», приготовиться!

«Моя!» – подумал Тимофей с удовольствием и выговорил:

– Готов!

Клацнули, разжимаясь, шлюпбалки, и субмарины отделились. Океан поднялся навстречу, заваливаясь вбок. Браун быстремько выпустил кормовые крылья, субмарины выровнялись и торпедой ушла в пологий вал. Толчок был чувствителен, но некогда испытывать ощущения, работать надо!

Боровиц пересилил свою обычную подозрительность к новичкам и посадил-таки младшего смотрителя на свою «Орку», субмарину хоть и б/у, но в ХТС²⁶. И Браун намерен был оправдать оказанное ему высокое доверие.

Он убрал крылья и одновременно запустил двигатель. Реактор за спиной глухо засвистел, заныли турбины, загудел пар. За прозрачным колпаком рубки зеленела вода, мелькали какие-то тени.

– Я – Вуквун, – послышалось в наушниках, – цель справа по курсу, идем «звездой»! В центре я пойду, левее и выше – Джамил, правее и выше – ты, Токиши. Наталья идет левее и ниже. Правее и ниже – Сихали… Слытал, амиго?

– Еще как… – буркнул Браун.

В наушниках хихикнули.

– Ну, как говорит Станислас, стройся! – весело прикрикнул Арманто. – Глубина сто метров.

Звено субмарины понеслось к стаду вертикально поставленным кольцом диаметром в пятьдесят метров. Тимофей держался на своем месте – на двадцать метров правее и ниже командирской субмарины – и набирал ход.

– Токиши! Скакни на поверхность, прими радиограммы.

– Есть!

Субмарина Ашизы пошла на подъем.

Браун включил ультраакустику. Концерт по заявкам сумасшедших… Свисты, щебет, чириканье, гудение, пронзительные крики, отрывистый лай, скрежет напильника, хрипы… Кашалоты поют!

Тишины в море не бывает, просто надо особые уши иметь. Вот хлопки – это креветки отметились. Ракообразные пощелкивают. Хрюкают, скрежещут, пыхтят и гудят сотни рыб, странно подвывают и трещат дельфины, шуршит движущаяся вода.

Браун вслушался и довольно улыбнулся, выделив переговоры кашалота семейства: китиха издавала уверенные, громкие щелчки и потрескивания, а китенок – слабые пробные звуки.

Из динамиков понеслись низкочастотные вопли, взрывные щелканья – это косатки. Беспощадные убийцы для тюленей и прочих ластоногих, а с человеком – милейшие создания. Тимофею косатки нравились более всех прочих обитателей моря.

Ашиза погрузился, занял свое место в общем строю и сообщил, что сопровождающие вертолеты атаковали драчунов анестезирующими бомбами, но не всех задели. Звено Самоа Дженкинса заняло позицию на глубине и не даст китам уйти вниз. Задача звеньев Арманто и Вальцева – разогнать дебоширов и навести порядок.

– Наверх! Пойдем «серпом». Кто ниже меня – на правый фланг, кто выше – на левый!

Субмарины перестроились и выскоцили на поверхность. Сколько ни смотрел Сихали, а увидел одного единственного кита, кашалота-холостяка, обходящего дозором владения свои. Его высокие фонтаны белой дымкой повисали в воздухе.

Кашалот подплыл к одинокому айсбергу, тихо дрейфовавшему по волнам; айсберг, далеко ушедший от кромки паковых льдов, почти весь распался – вся его поверхность была изрыта, изъедена солнцем и дождями. На льду виднелись большие коричневые пятна – моржи, видать, ночевали.

Кашалот нырнул, показав могучий хвост, и вынырнул, перехватывая пастью добычу – здорового осьминога. За китом всплыли клубы ила – Берингово море здесь было мелководно.

– Стадо!

---

²⁶ Б/у – бывший в употреблении. ХТС – хорошее техническое состояние.

Точно – повсюду, насколько хватал глаз, в волнах темнели китовые семейства. Взлетали в воздух фонтаны пара – одиночные – верные признаки кашалота (полосатики ²⁷ пускают двойные струи). Блеснула на солнце черная дуга – это кит или китиха «заныривали». Тут и там в воде расплывались желтоватые облака испражнений, плавали по волнам куски амбры. Стая птиц кружила в воздухе, ныряя за китовыми объедками.

---

²⁷ Полосатики, в отличие от зубатых (и хищных) кашалотов, относятся к усатым китам, которые питаются планктоном, мелкой рыбешкой или крилем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.